

Герман Садулаев

Иван
Ауслендер

роман
на пальмовых
листьях

ПРОЗА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Проза нашего времени (АСТ)

Герман Садулаев

**Иван Ауслендер: роман
на пальмовых листьях**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Садулаев Г. У.

Иван Ауслендер: роман на пальмовых листьях / Г. У. Садулаев — «АСТ», 2017 — (Проза нашего времени (АСТ))

ISBN 978-5-17-099146-4

«Иван Ауслендер», новый роман Германа Садулаева, талантливого постмодерниста, финалиста премий «Русский Букер», «Национальный бестселлер», «Большая книга», – это полный сарказма и неожиданного тонкого лиризма интеллектуальный палп-фикшн о 2010-х годах, русской интеллигенции и поиске себя. Средних лет университетский преподаватель поневоле оказывается втянутым в политику: митинги, белые ленты, «честные» выборы... На смену мнимому чувству свободы вскоре приходит разочарование, и он, подобно известным литературным героям, пускается в путешествие по России и Европе, которое может стать последним...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-099146-4

© Садулаев Г. У., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Псалом Аль-Фатиха (Открывающий)	5
Связка первая	7
Лист I	7
Лист II	9
Лист III	12
Лист IV	14
Лист V	17
Лист VI	23
Лист VII	29
Лист VIII	31
Лист IX	35
Лист X	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Герман Садулаев

Иван Ауслендер: роман на пальмовых листьях

Псалом Аль-Фатиха (Открывающий)

Господи, с нами ли Ты? Ты отдал нас в руки врагов наших, и жён, и скот, и детей. Они пребогаты и многовластны, разбивают на завтрак ложечкой яйца несчастного Фаберже и мечут икру чёрную в золотой горшок ночью. Они же перстнями унижены, кольями окружены, камнями ясными усыпаны, у них дворцы морские и вертолёт, охрана с бердышами и тигр ручной. У них земли и подземелья, горы и реки, небо и облака; всё ихнее, нашего нет и чтобы малый разбей воткнуть. Где же Ты, Господи? Где око Твоё?

Иные говорят, что Тебя нет. Что Ты спишь, или вышел покурить, или улетел в отпуск на Гоа: на Гоа ли Ты, Господи? Правду говоря, если Ты конкретно Тот, который тут за всё отвечает, то для Тебя самого было бы лучше, чтобы Тебя не было, Господи. Боже мой.

Ты так редко звонишь, почти не пишешь, хотя, казалось бы, чего тут трудного: я ведь есть и в «Фейсбуке», и на сайте «ВКонтакте», и в «Одноклассниках» у меня аккаунт. И везде я Тебя френджу, Тебя одного, Господи! Потому что я жду Тебя. Только Тебя я жду. Написал бы мне, Господи: привет! Помнишь меня? О, да! Я помню Тебя, Господи!

А Ты?

Вспомни, Господи, когда Ты в последний раз дарил мне цветы? А день рождения? Скажи, разве Ты забыл? Нет? Тогда почему, Господи, почему Ты один не поздравил меня в мой день рождения: все поздравили, столько было звонков и коротких текстовых сообщений, что я даже отключил перегретый сотовый телефон, а некоторые пришли, и мы всё говорили о Тебе, Господи, мы ждали, что Ты придёшь, но Ты не пришёл, Ты даже не прислал смс! Хотя мог бы отправить и правительственную телеграмму, если бы только захотел, ведь Ты всемогущ, Господи. Или уже нет?

Если Ты меня любишь, если Ты ещё любишь меня, Господи, дай мне знак! Give me a sign! Hit me baby one more time! Ударь меня, Господи! Сделай мне больно – так, как Ты можешь. Я хочу эту сладкую боль, Ты ведь понимаешь, о чём я. Но не оставь меня покинутым, одиноким! В пустыне мира не оставляй меня, Господи!

Господи! Из России взываю к Тебе: Ты ведь знаешь, что это за место. О, это тёмное место, глубокое. Здесь Тебя постоянно хоронят и вбивают в могилу крест. Крест золотой, крест высокий. Зайдешь в склепы Твои, а там тебя отпевают, кадилом машут, кругом идут. Но знаю я, что Ты, Господи, живой, Бог живой Ты! Только бросил нас, загулял, что ли.

А вот мы и жиром, и туком тучным, и миррой воскурим, и сомы вольём в огонь, и гхи – суаха! Господи, нравится Тебе?оборотись к нам, Господи!

О Боже, Боже, знаю: не тучен наш тул, и мирра наша скудна; огонь наш жертвенный – с язычок зажигалки. Куда нам до вечных факелов газовых месторождений! Потому ли Ты отвернулся от нас? Правда ли, что Ты всегда на стороне больших батальонов? Где же нам взять; наши батальоны малы, недоукомплектованы.

И не говоришь с нами: им же пишешь и в «Твиттер», и на электронную почту каждый день; а они смеются над Тобой и отправляют Твои послания в спам!

Что же Ты, Господи, любящих Тебя отвергаешь и отвергающих Тебя привлекаешь? Что же Ты покинул народ свой, племя своё изгнал из чертогов света? Кого же Ты поселил? Боже мой. Рыла хуже свиных, кожа сальная, глазки мелкие бегают туда-сюда, а мошина-то набита!

Мошонка туга! Злые, сильные, без милости. Жадные и прожорливые. Вот орден Твой, Господи! Опричина. Самому-то не тошно?

Мы же с молитвами к Тебе, и книги Тебе, и псалмы, и гекзаметром, и добрыми помыслами к Тебе, в эфире распространяемы как Wi-Fi. Мы верные джедаи Твои! И что, где мы? Смотрим окрест и вопием: Господи! С нами ли Ты? С нами ли Ты, Господи?

Или Ты с ними?

И далее.

Связка первая Белая лента

Лист I Начало

Иван Борисович Ауслендер попал в большую политику совершенно случайно. Когда страна забурлила протестами, словно желудок солдата, с голодухи переешшего гороховой каши (вернее, забурлило только в двух-трёх больших городах, но взгляду рассерженных горожан так и представлялось, что вся Россия вот-вот возьмётся за дубьё и пойдёт колошматить внутреннего француза), студенческие активисты обратились к коллеге Ауслендера, профессору филологии Рюрику Иосифовичу Асланяну, с просьбой выступить на революционном митинге. Профессор был американист, большой знаток Генри Миллера и по убеждениям анархист, чего не скрывал даже от ректора; но всё ему прощалось за богатую родословную и сумасшедшую популярность у юных филологинь (даже на факультативных спецкурсах аудитории ломались от добровольных слушательниц, втайне соблазнённых сомнительной перспективой транслировать в будущее ценный интеллектуальный генофонд). Профессор носил на тощем теле красные свитера и зелёные джинсы при синих тапках: всё выглядело очень демократично – для тех, кто не знал, что вещи куплены за немалые деньги в брендовых магазинах Нью-Йорка; для тех, кто знал, это было ещё привлекательнее. Профессор воплощал тип модного левого интеллектуала, столь распространённый в кампусах Восточного побережья Америки и в старой Европе и столь дефицитный в нашей несолнечной Северной и бывшей (как брошенный любовник) столице, средоточии университетов скучных и бесполезных, не имеющих ни собственных клубов регби, ни групп девичьей поддержки. Асланян был настолько крут, что лечился у настоящего психоаналитика и глотал горстями антидепрессанты прямо на лекции, запивая минеральной водой *Perrier*, бутылочку которой всегда носил в своём потрёпанном вьетконговском рюкзаке. В общем, профессор был настоящим идолом для всех городских хипстеров и тех, кто знал, что значит это слово, – иначе говоря, для прогрессивной молодёжи. А поскольку Рюрик Иосифович олицетворял тонкий, но бескомпромиссный протест и был бунтарь по натуре, то студенты решили, что он если не возглавит, то облагородит уличные акции высоким пафосом интеллектуального бунта.

Но искренние поклонники своей просьбой поставили профессора в неловкое положение: с одной стороны, прямо отказать было неудобно, с другой стороны, лозунг «за честные выборы», под которым проводился очередной митинг, был для Асланяна парадигматически не актуален – какая разница, если в обществе спектакля публика всегда поставлена в ситуацию ложного выбора? Любой выбор ложен, а сама возможность выбирать иллюзорна. Так в чём смысл и как эти кукольные выборы могут быть честными или нечестными? Марионетки в конечном итоге всегда выбирают очередного Карабаса-Барабаса; лучшее, что может сделать умный Буратино, – это порвать холст иллюзии в очаге каморки папы Карло и уйти за кулисы, где можно обрести внутреннюю свободу, свободу по ту сторону сцены.

Поэтому профессор Рюрик Иосифович Асланян перевёл стрелки, порекомендовав активистам в качестве яркого публичного оратора и потенциального лидера революции своего товарища и коллегу. Этим товарищем был Иван Борисович Ауслендер.

Иван Борисович не был ни ярким, ни потенциальным. По правде говоря, в плане личного образа Ауслендер был скорее эпигоном Асланяна, но неудачливым, а потому эзотерическим. Иван Борисович тоже пробовал носить растянутые свитера и яркие джинсы, но на его полно-

ватой фигуре интеллектуальные вещи смотрелись нелепо, получался *лук* не модного интеллектуала, а старого клоуна (может, ещё и потому, что тряпки Ауслендера были куплены в секонд-хенде на Владимирской). Пришлось Ивану Борисовичу вернуться к русскому корпоративному стандарту: мышинного цвета костюмы с галстуками ровно на один тон ярче. Асланян был слеп как крот, что позволяло ему носить стильные очки в тонких оправках или даже большие пластмассовые. Зрение Ауслендера было кошачьим; даже в солнечных очках он не мог красоваться: обманутые сумраком зрачки расширялись, и глаза больно резал ультрафиолет. Всё, что мог себе позволить Иван, – это бутылочка минералки в портфеле из козжама. Чтобы не копировать коллегу, Ауслендер убедил себя, что предпочитает *Evian* (она сладкая, к тому же подешевле *Perrier*). Видимо, по тому же принципу Иван Борисович вместо анархо-коммунизма объявил себя приверженцем социал-демократии.

Получив пас от Асланяна, Иван Ауслендер засмутился и попросил время на размышления, но Рюрик Иосифович позвонил и убедил коллегу принять предложение. На следующий день, когда послушные студенты снова прикатились к нему как мячики, Ауслендер согласился выступить. До назначенной даты оставалось всего три дня, и потенциальный вождь революции шёл домой, забыв обмотать вокруг головы шарф (как он обычно делал в холодную погоду за неимением подходящей шапки), на ходу сочиняя свою будущую речь перед бушующей народной массой. Заодно вспоминая свой тернистый и яркий жизненный путь, приведший скромного кабинетного учёного к вершинам общественного признания.

Лист II Genesis

Если в судьбе Рюрика Иосифовича Асланяна всё было predetermined ещё до рождения, то будущее Ивана Борисовича Ауслендера представляло собой чистую потенциальность. Как в том опыте на тему квантовой механики, где бедную кошку запирают в ящик с ампулой яда, которая, может быть, разобьётся, а может и нет, и кошка то ли умрёт, то ли выживет, а пока наблюдатель не откроет ящик, кошка для него одновременно и жива, и мертва.

Дедушка Асланяна был великим филологом-германистом, и папа стал филологом-германистом, и даже мама оказалась, как ни странно, германисткой. Юный Рюрик поправ семейные традиции и устроил форменный бунт, выбрав своей специализацией такую нереспектабельную с точки зрения фамильных ценностей американистику. Но бунт сей был, как видим, довольно ограниченным, так как за пределы филологии Асланян-младший выйти не дерзнул.

Родители Ауслендера были обычными совслужащими. Мать шла по педагогической линии, учительствовала в средней школе, а потом прозябала на ничего не значащей должности в районном отделе образования, таская по вечерам из магазина тяжёлые сумки с сыром, хлебом и колбасой. Отец был техническим специалистом, инженером по электронно-вычислительным машинам; его профессия, его магическая способность расшифровывать архаические перфокарты в одночасье стала смешной и ненужной, когда в мире появился первый персональный компьютер, заряженный человеколюбивым интерфейсом. Что касается дедушек и бабушек, то они, ещё хуже, были самыми настоящими пролетариями и работали на настоящих заводах, за настоящими станками – вытачивали из железа детали. Для танков, наверное, для чего же ещё?

Немецкая по морфологии фамилия Ивана Борисовича могла ввести в заблуждение наивного человека, рождая представления о том, что обладатель её – потомок каких-нибудь курляндских баронов; но Ауслендер, к сожалению своему, доподлинно знал, что предок и основатель рода был беглый славянин, ремесленник, как-то оказавшийся в сладких землях Германии, но не прижившийся там и вернувшийся на болота Невы с единственным капиталом – фамилией-прозвищем *Auslender*, что в переводе с немецкого означает просто «иностранец», «чужак». Говорят, у него был с собой единственный документ, может, даже не паспорт, *ausweis*, а какая-то справка, где в графе «гражданство» аккуратный немецкий чиновник указал за неимением других точных данных: иностранец, не гражданин. Дело было как раз после социалистической революции; в революционном Петрограде красный чиновник, выправляя иммигранту-репатрианту его первый советский документ, решил, что Ауслендер – это фамилия; так и записал. Имя патриарха было Иван; наш герой был назван в его честь.

Раньше Иван Борисович полагал сию историю анекдотом, но позже поверил, узнав, что в паспортах русских жителей независимой Латвии пишут *alien* – в смысле пришелец, негражданин; что значит, в переводе с английского, также «инопланетянин». Весь мир незлобно потешается над русско-латвийскими паспортами; иммиграционные офицеры машут руками приветственно: о, инопланетяне пошли! Межпланетный контакт состоялся! *How are you?* Как дела на Марсе? Или вы с Венеры? А я думал, что вы зелёного цвета! А где ваши щупальца? Щупальца и хвост мы сдаём в багаж, устало отшучиваются неграждане нестраны.

Хорхе Луис Борхес говорил, что вырос в библиотеке. Кажется, у его отца была обширная коллекция книг. В семье Асланяна книг было не меньше, чем у Борхесов: библиотека занимала обе фамильные квартиры и большую дачу в Репино. Асланяны ели, спали, выясняли отношения и зачинали друг друга в завалах книг, под пристальным взглядом вертикальных корешков языковедческих фолиантов. А вот Ауслендеры наследной библиотекой похвастаться не могли. В двухкомнатной квартире, полученной Борисом Ауслендером от своего учреждения, была только одна стандартная «стенка» польского происхождения, две полки которой были, по

обычаю советской технической интеллигенции, заняты книгами Стругацких, историческими романами-байками Алексея Толстого, и Валентина Пикуля, меж которыми как дредноут был втиснут толстый том «Цусимы» Новикова-Прибоя, да сторожевыми катерами там и сям выглядывали тонкие книжицы иностранной фантастики и детективов. На остальных полках за стеклянными дверцами стоял декоративный хрусталь: вазы для фруктов и фужеры под шампанское. Фрукты в вазы, сколько себя помнил Иван, не клали, а шампанское даже в новогоднюю ночь пили из более дешёвых бокалов на тонких ножках, которые хранились на кухне. Хрусталь доставали из шкафа только раз в квартал: мать протирала его от пыли мягкой тряпочкой.

Ну и, конечно, были выжженный на куске дерева Есенин с трубкой и фабричный гобелен с оленёнком – всё как во всех советских квартирах.

Сейчас, когда мы вспомнили обычную обстановку семидесятых, у Ивана Ауслендера защемило сердце от чувства тоски по утраченному: потерянный рай, брежневское детство мира. А родившиеся позже восьмидесятых вообще ничего не поняли.

Так вот. Книг было мало, но Ваня постоянно что-то читал. Причём всё подряд, как завзятый библиоман. Благодаря матери мальчик получил доступ в хранилища всех публичных библиотек района и мог брать не только то, что лежало в залах, но и то, что пряталось «для своих»; впрочем, таскал домой любые книги без разбора. Но возвращал, иногда даже сам подклеивал истрёпанные издания. Читал Дюма и Тагора, Бунина и русские народные сказки, Стейнбека и Драйзера, Ленина и Ауробиндо, читал справочники и энциклопедию, читал учебники сестры и методички матери. Казалось, для него главное, чтобы были какие-нибудь буквы, складывающиеся в слова, а далее в предложения и абзацы, в страницы, главы и целые тома. «Литературную газету», которую выписывал отец, читал от первой полосы до последней (а не только рубрику «Юмор», как все остальные подписчики). Вообще любил читать. И жрать. От того рано начал полнеть. И ещё: казалось, что хаотично прочитанное оставляет такие же последствия, как излишне съеденное, откладываясь невидимым жирком на всё более грузном и нездоровом уме подростка.

А учился между тем посредственно. Бывали и тройки в четверти, хотя к концу года исправлялись. Закончил школу Иван с сереньким аттестатом, где оценок «отлично» и «хорошо» было примерно поровну. Тем более удивительным для его родителей было решение Вани поступать на Восточный факультет, престижный, с высоким конкурсом. Если бы он провалился на экзаменах, Ауслендера ждала армия, к которой парень не был готов ни морально, ни физически. Родители переживали, особенно мать. Но Иван сдал экзамены и выдержал конкурс.

Потом была учёба в университете. Всё самое интересное: пьянки, драки, мимолётные романы – то, что называется «студенческая жизнь», – случалось в общежитиях. Иван жил дома, с родителями. И студенческие годы прошли мимо него. Иван не ощутил особой разницы: он так же вставал по утрам, как во время учебы в школе, завтракал, шёл на уроки (теперь они назывались «лекции», «семинары» и «пары»), после уроков возвращался домой, жрал, читал, готовил домашнее задание. Бывало, выбирался в город на «дни рождения», праздники, в кино, театр, в филармонию и на свидания, но не увлекался.

Когда пришло время получать диплом, СССР сошёл на нет. Ауслендер политических и экономических реформ почти не заметил; не заметил бы вовсе, если бы холодильник вдруг не оскудел. Иван Борисович трудности переходного периода перенёс стойчески. Гурманом он не был, поэтому, сооружая себе сопроводительные к чтению бутерброды, стал хлеб нарезать потолще, а сыр и колбасу – тонкими прозрачными ломтиками. Иван защитил дипломную работу по сугубо технической теме «Винительный падеж в классическом санскрите». Раньше считалось, что выпускники восточного факультета имеют хорошие перспективы получить назначение в дипломатический корпус. Реально такая возможность была далеко не у всех (у дипломатов есть свои дети), но потенциально наличествовала. В новой России дипломатия на азиатском направлении скукожилась и вакансий поубавилось. Зато была либерали-

зована внешняя торговля, и многие знатоки восточных языков, особенно арабисты, смогли найти себе применение в коммерции, в совместных предприятиях и инвестиционных проектах как в России, так и за рубежом. Ауслендер теоретически был индолог широкого профиля, то есть знал хинди и даже бенгали, но практически едва успевал по этим дисциплинам, сосредоточившись на изучении мёртвого древнеиндийского языка. Арии, якобы говорившие на санскрите (на самом деле, Иван Борисович был в этом убеждён, на санскрите вообще никто никогда не говорил; это был язык искусственный, специально сконструированный для литургических целей, а позже развитый в поэтической, научной и литературно-религиозной традициях; предки нынешних индийцев говорили на своих наречиях, пракритах), давно канули в Лету, контрактов на поставку чая и закупку металла арии не составляли, и знания Ауслендера рыночного применения себе не нашли. Зато Иван Борисович поступил в аспирантуру. Аспирантуру он закончил в срок и защитил кандидатскую диссертацию, расширив и углубив тему дипломной работы. На этом научная карьера Ауслендера застопорилась, но место преподавателя он получил. Отбыл каторжный год в шкуре ассистента, потаскал портфель за старым профессором и сам стал вести занятия. Сначала семинары, а потом и лекции. На его занятиях студентов всегда было мало. И это, пожалуй, всё.

Лист III Meeting

В списке выступающих Иван Ауслендер значился в середине второго десятка, поэтому он позволил себе приехать не к самому началу мероприятия, а получасом позже. День был воскресный, жена Ивана была свободна и в относительно хорошем настроении, она доставила супруга к митингу на автомобиле. Эффектно припарковаться у трибуны или хотя бы перед сбором не удалось: подъезды перекрывала полиция. Жена высадила Ауслендера на тротуар и поехала искать место для парковки в соседних кварталах.

Митинг был согласован на Пионерской площади перед Театром юного зрителя. У края тесной площадки был сооружён помост, на котором стояли колонки со звукоусилением и сменялись ораторы. Перед сценой раздавали белые ленточки и шары, тоже белые. Символика была перенесена с первых протестных акций, которые состоялись в Москве. Иван Борисович прошёл за ограждения и стал не спеша пробираться к подъёму на сцену через довольно плотную массу людей, одновременно оглядываясь, изучая аудиторию и прислушиваясь к словам выступающих. Брал слово националист, и ему аплодировали под жёлто-полосатыми флагами, а под синими и белыми свистели. Выступал демократ, и ему свистели из-под имперских штандартов, а либеральные стяги его поддерживали. Когда к микрофону подходили представители «системной оппозиции», то есть легальных политических партий, получивших свои места в Государственной Думе России и в Законодательном Собрании Петербурга, вся толпа начинала свистеть, улюлюкать и скандировать: «Депутат! Сдай мандат!» Всё это было похоже на игру, на конкурс под руководством аниматоров, масовиков-затейников: кто кого перекричит, пере-свистит и перехлопает. Причём шумовым соревнованием дело ограничивалось: было видно, что идти стенка на стенку никто не собирается, бить морды сегодня никому не будут, напротив, митингующие были настроены радостно и доброжелательно даже по отношению к оппонентам и к стерегущим порядок скупающим полицейским.

Иван Борисович наконец добрался до ступенек на сцену, где был остановлен охраной. «Я выступающий», – сказал Ауслендер и стал рыться по карманам в поисках какого-нибудь документа. «Не надо документа, – сказал охранник, – просто назовите свою фамилию». Иван Борисович назвал. Охранник посмотрел на Ауслендера с сомнением. Но тут Иван был замечен со сцены одним из организаторов митинга, темноволосым юношей. «Это Ауслендер, – прокричал юноша, – он выступает, пропустите его». Охрана расступилась, и Иван поднялся на сцену. Предыдущий оратор закончил свою речь, сопровождаемый аплодисментами с одной стороны массовки и свистом с другой стороны. Темноволосый юноша сразу взял микрофон и объявил: – А сейчас мы предоставляем слово Ивану Ауслендеру, преподавателю из Санкт-Петербургского государственного университета!

Иван Борисович подошёл к микрофону и поглядел на толпу. Перед ним колыхались разноцветные флаги. А под знамёнами стояли люди: две или три тысячи горожан, преимущественно молодых. Когда организатор назвал фамилию Ивана, прежде никому не известную, в кучках националистов стали свистеть – видимо, на всякий случай, заподозрив в ораторе представителя той самой народности, что в упрощённой космологии занимает позицию безусловного носителя мирового зла. Свист скоро стих. Масса молчала и ждала слова. Ждала от Ивана Борисовича.

Ауслендер чувствовал, как у него от волнения подкашиваются ноги и сдавило грудь. Он никогда не выступал перед такой широкой аудиторией. На его лекции в университете никогда не собиралось больше чем тридцать-сорок студентов. В то же время его захлестнул прилив небывалого восторга и вдохновения. Тёплая волна внимания и силы поднималась снизу, от слушателей. А сверху, на небе, из-за серого облака выглянуло зимнее солнце и тронуло светлым

лучом покрывшийся мелкой испариной лоб Ивана Борисовича. Ауслендер понял, что надо говорить коротко.

– Товарищи! Братья и сёстры! Почему мы здесь? Потому что мы хотим свободы! Почему мы здесь? Потому что мы хотим справедливости! Мы пришли, чтобы сказать «нет!» тем, кто ворует наши голоса, кто покушается на правду и волю. И мы не дадим, не допустим! Хватит!

Толпа гудела одобрительно. Ауслендер поднял свой взгляд над слушателями и протянул руку в сторону полицейского оцепления.

– И ещё: я хочу обратиться к стражам правопорядка. К полиции, как теперь они называются. Но мне хотелось бы называть их как прежде, милиционерами. Товарищи! Вы такие же, как мы! Вы живёте в одном с нами городе. Когда вы снимаете форму, вы встречаетесь с тем же самым чиновничьим беспределом, вы так же, как и мы, страдаете от развала системы здравоохранения, образования, социального обеспечения. Вас так же, как и нас, обманывают и отнимают у вас волю и правду! Сегодня всё спокойно и мирно, но завтра – завтра вам, может быть, прикажут стрелять в людей. И тогда, я прошу вас, не спешите выполнять приказ! Не стреляйте! Здесь ваши братья и сёстры, друзья и соседи, врачи, которые вас лечат, и учителя, которые учат ваших детей! Мы один народ! Мы вместе!

Митингующие стали скандировать: «Полиция вместе с народом!» Когда Ауслендер отошёл от микрофона, темноволосый юноша пожал ему руку и сказал: «Спасибо! Прекрасная речь!»

Иван Борисович спустился со сцены и смешался с толпой. Он ещё долго не мог отойти от воодушевления и экстаза, всё казалось ему прекрасным и радостным, люди вокруг были как родные. Ауслендер поддерживал речёвки, всем хлопал и никому не свистел (он и не умел этого делать, если честно). Вскоре митинг закончился. Со сцены зачитали резолюцию, собравшиеся проголосовали, взметнув к небу руки, помост заняли техники, убирающие аппаратуру, люди стали расходиться, но не все: тут и там оставались кучки молодёжи, которые курили, смеялись и пританцовывали – из динамиков гремела песня Цоя про перемены.

Ауслендер начал отходить от наркоза. Он вспомнил строчки из песни другой группы, «Ундервуд»: «...А мы с тобой, словно в „Ассе“, стоим на ялтинской трассе, в магнитофоне порвался пассив, этих ли я ждал перемен?..»

Лист IV

Женщины

Иван позвонил супруге и отправился искать машину. Жена грелась в автомобиле. Она сказала: «Я послушала твою речь и ушла, холодно». Автомобиль был припаркован на тротуаре. Когда тронулись, то чуть не столкнулись с пожилой дамой нервного облика, которая отреагировала яростно. Она заставила супругу опустить стекло и словно гранаты закинула в салон слова, полные гнева и горечи:

– Понаставили своих «мерседесов», нормальному человеку не пройти! Это тротуар, он для пешеходов, что вам, дорог мало? Глаза разуй, сучка!

Ауслендеры не стали ничего отвечать на оскорбления, машина медленно сползла с тротуара на проезжую часть и двинулась, встраиваясь в поток. Иван Борисович оглянулся на бедно одетую женщину с лицом, искореженным обидой на весь свет и отпечатком жизненной неудачи, и подумал о том, что ведь и ради неё, ради её счастья и благополучия он сам только что мёрз на митинге и даже выступал перед народом. Но ничего, когда-нибудь она поймёт! Или не поймёт... Посвящая себя служению людям, не стоит ожидать благодарности.

Супруга молчала. Иван посмотрел на неё сбоку, с пассажирского кресла, и подумал: какая же она у меня хорошая, ладная!..

Иван Борисович супругу любил и уважал. Её звали Виктория.

Напрасно вы подумали, что в отношении женского пола Иван Борисович был пентюх и байбак. В молодости у него было несколько романов. Со своей будущей женой Ауслендер познакомился в университете. Она была на несколько лет младше, Иван Борисович помогал ей писать курсовые. Сначала они просто встречались, потом стали жить вместе, а когда Ауслендер закончил аспирантуру, оформили законный брак.

Своего жилья у Ауслендера не было. А родители Виктории выделили молодым однокомнатную квартиру. Так оказалось, что Иван Борисович стал жить у жены. Это его угнетало. В «Ману-самхите», своде законов и нравственных установлений средневековой Индии, недвусмысленно утверждалось, что зять ни в коем случае не должен жить в доме супруги или с её родителями. Должно было быть наоборот. Но наоборот не получилось. Иван подёргался и затих. Виктория никогда не пользовалась зависимым положением мужа и не упрекала его. Но и авторитета мужа не принимала. Просто у неё самой были сильный характер и ярко выраженные качества лидера.

Время от времени Иван Борисович устраивал локальные бунты. Он кричал, бил домашнюю утварь и ломал мебель. Никаких по-настоящему серьёзных причин для скандалов не было, он всего лишь хотел утвердить себя в качестве главы семьи. По своей натуре Ауслендер был уступчивым и неагрессивным, как жвачное животное. Но агрессия вегетарианского скота страшнее агрессии хищника: взбесившийся бык страшнее тигра именно потому, что он не хищник, агрессия не является для него привычным инструментом выживания в окружающей среде и он совершенно не приучен управлять гневом и ограничивать насилие необходимостью. Производимые психующим Иваном разрушения были непредсказуемы и бессмысленны. Но никакого эффекта борьба не имела. Ответом Виктории была встречная агрессия, выверенная с учётом осознания своих физических возможностей и переходящая в затяжную горестную истерику. Виктория стонала, выла и причитала несколько часов так, словно у неё в один день погибли все близкие люди. Иван думал: вряд ли она станет сильнее убиваться, если я, например, умру; просто потому, что сильнее убиваться для человека невозможно. Вскоре Иван чувствовал себя пристыжённым и виноватым. Бунт захлёбывался. Иван возвращался в смиренное состояние, пытался восстановить разрушенное (получалось плохо, руки росли из

одного известного места), приходил мириться и встречал молчание и презрение. Бывало, что супруги не разговаривали по две недели.

Ауслендер супруге не изменял. Студентки – да, на студенток преподаватель заглядывался. Но никогда ничего такого не имел в виду. Даже не решался помыслить. И соблазна не было, потому что со стороны студенток Иван Борисович интереса не ощущал. Другое дело Асланян. Рюрик Иосифович был окружён ароматом соблазна и флирта; все приступы профессор решительно отбивал, но из-за своей беспристрастности и недоступности становился ещё более желанным. У Асланяна было две бывших жены: одна в Америке, другая во Франции (стервы, говорил про них Рюрик Иосифович). И подруга у него была, лет на пятнадцать младше, умная и привлекательная. Так что студенткам ничего не светило. Хотя атмосфера вокруг Асланяна была предельно наэлектризована. Ничего такого не вихрилось вокруг Ауслендера.

Может, объективно было бы и лучше, если бы Иван иногда вступал в связь за пределами строго очерченного брачного круга. Имел бы интрижки на стороне. Может, это его бы взбодрило. И освежило супружескую любовь. И предотвратило бы очередной бессмысленный бунт, канализировав маскулинную энергию в иное, неструктурное русло. Любимый беллетрист Ауслендера, француз Уэльбек, прямо предписывал свободный секс во всех ситуациях социального и экзистенциального тупика. Впрочем, следование рецепту Уэльбека не делало счастливым ни его самого, ни даже героев выдуманных им романов. Асланян Уэльбека прямо ненавидел, а Ауслендер любил, но применять не решался.

За всё время супружества у Ивана Борисовича была, можно сказать, только одна запретная страсть. К собственному зубному врачу. Её звали Лилия Григорьевна, а фамилия у неё была – Асланян, но Рюрику Иосифовичу она никем не приходилась, просто однофамилица; к тому же, скорее всего, это была фамилия по мужу, а не её собственная.

Во всей художественной литературе, прочитанной Ауслендером, ему встретилось и вспомнилось только одно описание влечения к стоматологу. И то было, пожалуй, слишком тонким и высоким. Иван Борисович не мог привычно соотнести своё чувство с литературным аналогом: его переживания были более плотскими. И как иначе? О, стоматологини! Стюардессы, официантки, женщины-полицейские и даже медицинские сёстры (инцест?) – всё не то, не то. Слишком просто, затасканно, прозаично. Но вот зубной врач. Она стоит над тобой в своём зелёном или белом халате, половину её лица закрывает марлевая повязка, рядом с ней – блестящие металлические инструменты: сейчас она сделает тебе больно (будет немного больно, честно предупреждает она, и пациента заливают страх и истома), но только для того, чтобы избавить тебя от другой боли, мучительной, бесплодной и долгой. Ты в её власти, в её руках, а её руки – в тебе, во рту, она проникает к нерву. Мы можем быть близко, но не ближе, чем кожа? Но ведь можно быть и ближе, если она – стоматолог, а ты – пациент. Ауслендер был чувствительным пациентом и в уме своём поклонялся Лилии Григорьевне как божеству. У неё были красивые глаза, которые она часто прищуривала, видимо, улыбаясь под марлевой повязкой. Без повязки Иван редко видел свою богиню. Благодаря нечаянной страсти Ауслендер вылечил все свои зубы, больные с самого детства.

Никакой вещественной реализации страсть Ауслендера не подразумевала. Не было и речи о том, чтобы предложить врачу встретиться и поужинать, например. Иван не представлял себе Лилию Григорьевну в ином антураже, нежели зубоврачебный кабинет. Возможно, в обычной обстановке она бы его несколько не взволновала. Если что и было у Ауслендера с врачом, так это только сны (сны Ауслендера), странные и томительные, сюжеты которых он забывал почти сразу после пробуждения.

И лишь с одним человеком Иван Борисович поделился размышлениями о своём греховном и сладком влечении – с Асланяном (заодно спросив, не родственница ли ему зубной врач из частной клиники на Гороховой улице, – нет, просто однофамилица).

– Да, брат, – сочувственно отреагировал старший товарищ, – такое случается. Интеллигенция вообще склонна к латентному мазохизму. И не только в сексе, но и в политике, например.

Лист V

Слава

Сказать, что на следующее утро после митинга Ауслендер проснулся звездой, значило бы солгать. Неверно было бы заявить, что на него прямо-таки обрушилась слава. Ничего особенного не произошло. Имя его помелькало в газетах в общем списке выступавших. В университете никто на это событие внимания не обратил. На занятия по-прежнему приходило минимальное количество слушателей, а декан, встречая Ивана Борисовича в коридоре и отвечая на приветствие, делал такое лицо, словно мучительно вспоминал: кто этот человек и каким образом они могут быть знакомы?

Но однажды позвонили с информационного ресурса и попросили прокомментировать какую-то городскую новость для рубрики «Мнения». Потом другое издание попросило дать форменное интервью. Пригласили участвовать в ток-шоу на местном канале («экспертом», то есть человеком, который сидит на стуле в первом ряду, всю передачу делает умное лицо, но один раз ведущий обращает к нему вопрос, на который следует ответить за сорок секунд). Всё это было ново и интересно, но не очень волнительно.

Гораздо более тронул Ивана Борисовича звонок от организатора прошедшего митинга. Ауслендер узнал звонившего по голосу: это был тот самый темноволосый юноша, который втащил его на сцену и объявил перед толпой. Юноша представился Дмитрием Балканским и рассказал следующее:

– У нас есть такой формат общения – дискуссионный клуб. Собираются активисты и сторонники различных общественных и политических движений. Не могли бы вы прочесть, скажем, лекцию, сугубо теоретическую, но каким-то образом связанную с актуальной идеологической и политической проблематикой? Нашим слушателям было бы очень интересно! Ваш друг Рюрик Асланян рекомендовал вас, он говорит, у вас есть весьма свежие идеи!

«Опять Рюрик!» – подумал Иван и сначала растерялся, но в минуту взял себя в руки и понял, что сам этого хочет. Ауслендер согласился.

– Ну вот и отлично! – искренне обрадовался Балканский. – В субботу вечером вас устроит?

– Да, вполне.

Дело в том, что Иван Ауслендер не был преданным своей узкой специальности языковедом. В действительности он начал изучать санскрит потому, что думал (по молодости), что, читая на санскрите Веда, сможет открыть в них какие-то новые смыслы, ускользнувшие от Кочергиной и Елизаренковой, как и от зарубежных санскритологов. Надежды, в общем-то, не оправдались. Но тем не менее из своих штудий Ауслендер делал весьма общие выводы и строил гипотезы наподобие тех, что излагает Мирча Элиаде (последний, по мнению Ивана Борисовича, излишне компилятивен). Ауслендер делал некоторые наброски. Но поскольку его прозрения не имели прямого отношения к филологии, а обнаруживали характер комплексный: антропологический, этнографический, психологический и социологический (то есть, прямо говоря, псевдонаучный с точки зрения академических авторитетов), то использовать и развивать их в рамках профессии и карьеры Ауслендер не мог; единственным слушателем и читателем был всё тот же благосклонный к фантазиям Ивана Борисовича профессор Асланян.

Ауслендер вспомнил, что у него есть как раз такая тема, которая подходит для доклада по предложению Балканского. И тезисы готовы.

В назначенное время (чуть раньше – боялся опоздать) Иван Борисович был у помещения дискуссионного клуба «Синяя лампа». Сидел в машине и ждал. Снова подвезла супруга. Виктория оставаться на лекцию не захотела, но обещала забрать после мероприятия. Отмерив три минуты после того, как стрелка часов заползла на «шесть» (для приличия), Ауслен-

дер открыл двери в клуб. Его встретила милая дама средних лет с породистым лицом потомственной конституционной демократки и проводила в зал. А зал был полон! Ну, практически полон. Три четверти стульев были заняты. Ауслендер на глаз определил количество слушателей в полсотни. Не меньше! Конечно, пришли не на Ауслендера, а по привычке: потусоваться с соратниками и оппонентами, обсудить последние новости и сплетни оппозиционного бомонда. Поэтому на Ивана Борисовича никто особенного внимания не обратил, даже когда лектор встал за кафедру. Люди общались между собой, и было даже как-то неловко им мешать. Так Иван Борисович простоял молча за кафедрой мучительные пять минут, делая вид, что приводит в порядок записи. Последними в зале появились Асланян с подругой: пришли поддержать Ауслендера. Иван Борисович приободрился, громко поздоровался с публикой. Шум затих. Лектор представился и объявил тему доклада.

Доклад I

Сакральная власть

Гипотезы о происхождении государства и государственной власти можно условно разделить на две группы. Это теория общественного договора и теория насилия. По одной государство организуется так: люди собираются вместе и приходят к соглашению, что хорошо бы учредить единое управление, выработать общеобязательные правила и следовать им; система наверняка будет несовершенна, но это лучше, чем война всех против всех. По другой теории, появляется малочисленная, но сильная и организованная группа (например, нация завоевателей или эксплуататорский класс) и навязывает свою волю большинству населения, устанавливая государство и власть как средства угнетения этого самого большинства меньшинством, то есть собой. Обе теории по-своему справедливы, так как каждая описывает одну из сторон Луны, иначе говоря, один из аспектов власти. Конечно, государство есть в первую очередь аппарат принуждения, и власть всегда осуществляет организованное насилие в интересах политически и экономически господствующего меньшинства. С другой стороны, никакая власть не смогла бы долго продержаться на одном принуждении, так как большинство потенциально сильнее, просто не может организовать необходимый перевес сил в нужном месте и в нужное время. Осуществлять властные полномочия только принудительно невозможно. Власть имеет двойственную природу. Любая власть – это, с одной стороны, насилие, но с другой – результат общественного договора.

Есть ещё третья группа гипотез, которые объясняют происхождение и природу власти с психофизиологической точки зрения: посредством аналогии с поведением животных в стаде, где выделяется вожак – альфа-самец, или людей в семье – патернализм. Но мне эти гипотезы кажутся слишком смелыми, так как для действия подобного рода механизмов очень важна потенциальная возможность физического контакта и прямая коммуникация между всеми членами коллектива. То есть это справедливо для малых сообществ, но вряд ли применимо в масштабе страны или нации. Те законы природы, которые действуют в стаде горилл, в камере тюрьмы, в солдатской казарме и в офисе коммерческой фирмы, вряд ли могут быть распространены по прямой аналогии на территорию целого государства, где непосредственный контакт рядового жителя с альфа-самцом маловероятен.

Так или иначе, ни две вышеназванных, ни даже все три группы теорий о природе власти не объясняют, каким образом и почему власть становится сакральной и абсолютной. Это самая большая загадка социальности: как огромная масса людей приходит в подчинение одному типу или повинует узкой группе господ, будучи многочисленней и потенциально сильней. Тем более – как такая власть приобретает характер полной, неограниченной, безответственной и священной. Ни теория насилия, ни тем более общественный договор, ни даже биологические инстинкты не проясняют нам причины обретения властью столь удивительного онтологического статуса.

У меня есть ответ, основанный на данных антропологии, этнографии и сравнительной мифологии. Не думаю, что я открою вам что-то действительно новое, – скорее, приведу в некоторую систему известные факты и немного иначе расставлю акценты, кратко излагая выводы, сделанные другими исследователями, выдающимися, не чета мне, задолго до моих беспомощных опытов.

Мы видим в истории и современности, что государственная власть тем менее абсолютна и сакральна, чем более ландшафты и среда обитания соответствующего народонаселения подвергнуты воздействию антропогенного фактора, то есть изменены и подстроены человеком для своих нужд. Антропогенный ландшафт – это искусственная среда обитания, в которой выживание и благополучие социума в большей степени зависят от правильной организации человеческой деятельности и в меньшей степени – от капризов природы и влияния стихий. В этом случае человечеству вполне хватает политической власти, которая имеет природу консенсуальную и умеренно-принудительную, а сакральная подложка государства сходит на нет: примером может служить так называемый цивилизованный мир, то есть антропогенный Запад. Конечно, только сегодня, так как в Средние века в той же Европе были совершенно другие политика и история. Там же, где ландшафты не освоены и не управляемы, где выживание и благополучие зависят от иррациональных причин, государственная власть сакрализуется. В Древнем мире такая территория была везде, а ныне это, например, Россия – по причине своего огромного, плохо освоенного, слабо и неравномерно заселённого пространства. Человеку не нужен царь, то есть правитель священный и абсолютный, для того чтобы организовать вывоз мусора или держать в страхе жуликов. Для этого вполне хватит менеджера, старосты или шерифа. Для человеческих дел достаточно человеческого правительства. Сверхчеловеческое правление монарха, следовательно, нужно для сверхчеловеческих задач. Таковыми являются отношения со стихиями. Царь должен обеспечить хороший климат, благоприятный тип солнечной активности, высокий урожай, большой приплод скота, выгодные котировки на международном рынке, счастье и спокойствие всех подданных, особенно женщин, беспричинное везение в торговых делах и удачу в военном походе, а особо, повторно и отдельно: отсутствие эпидемий, пандемий, эпизоотий, наводнений, засух, смерчей, селей, цунами, метеоритов, землетрясений, биржевых кризисов и любых других катаклизмов, характеризующихся как форс-мажор. Обо всём этом царь должен уметь договариваться со стихийными силами природы, никоим образом не подконтрольными человеку, рационально не постижимыми и непредсказуемыми. Напомню, что для религиозного типа сознания (а другого типа сознания у человека нет и быть не может) стихии являются или олицетворены в существах высшего порядка: Бог, боги, богини, духи, святые и проч. То есть царь для достижения своих уникальных сверхчеловеческих целей должен осуществить коммуникацию с божеством.

Универсальным средством коммуникации с божеством во всех без исключения культурах является жертвоприношение. Жертва направляется божеству как дар, подношение, но не только, а ещё и главным образом как послание и посланник. Следовательно, для обеспечения безопасности нашего племени в бушующем мире, ради гарантии невмешательства могущественных и непостижимых сил природы в нашу текущую хозяйственную деятельность, а лучше – для их участия в деле на нашей стороне мы должны отправить нашего представителя к божеству. Это должен быть полномочный и квалифицированный представитель, такой, чтобы мог решать все вопросы. Назовём его царь.

Итак, власть происходит из жертвоприношения.

Это вывод не только концептуальный, но и процедурный: конкретно из циклических (как правило, ежегодных) ритуалов принесения в жертву избранного особым образом человека появляется сам институт монархической сакральной государственной власти.

В наиболее чистом, изначальном и неискажённом виде такой ритуал бытовал у этрусков (племён, населявших Италию в доримские времена). Этруски каждый год выбирали себе царя.

Весь год царю поклонялись как идолу, беспрекословно ему подчинялись, лелеяли и украшали, удовлетворяли любой царский каприз, а он исполнял необходимые обряды, включая иерогамии – священную интимную связь со жрицей. По окончании конституционного срока царя приносили в жертву: закалывали на свежевспаханном поле, чтобы обеспечить хороший урожай.

Вот простая и эффективная форма монархического правления с точки зрения религиозного сознания (а другого сознания, повторяю, у человека нет). Выбирается подходящий кандидат, который назначается в жертву. С момента такого назначения он приобретает сакральный статус (по правилу симпатической магии жертва тождественна божеству). Далее жертву готовят к ритуалу, ублажая её (и в её лице божество, которому она, жертва, предназначена), подчиняются власти жертвы (через жертву племенем управляет божество, поэтому властные указания жертвы божественны и неоспоримы), а также сообщают жертве наказания, которые она должна правильно передать божеству. В праздничный день жертву отправляют на тот свет, а на её место ставят следующего кандидата. Всё. Чётко, понятно, никаких спекуляций.

Но, получив божественный статус и неограниченную власть, цари не хотели, чтобы их действительно убивали. Все последующие разработки идеологов царизма решали один вопрос: как сохранить статус священной жертвы и связанные с ним привилегии, но при этом избежать фактического принесения в жертву, то есть заклания царя на свежевспаханном поле. И здесь политтехнологи древности проявили чудеса фантазии и изобретательности.

Вариант первый: царь всё равно рано или поздно умрёт, и его смерть от естественных причин можно рассматривать как жертвоприношение. Пример – фараоны Египта. Фараоны строили грандиозные гробницы как арены для принесения себя в жертву посредством своей неминуемой смерти: фараон умрёт и отправится к божествам, и тогда выполнит свою роль чрезвычайного и полномочного посла народа Египта на том свете (возможно, первоначально предполагалось, что после окончания строительства фараон должен быть насильственно умерщвлён, поэтому правители Египта затевали такие масштабные долгострои, чтобы оттянуть этот счастливый момент).

Вариант второй, комплементарный (то есть дополнительный) к первому и ко всем остальным: династия. Пример – любая династическая монархия, включая тех же египетских фараонов. Царь является прямым потомком другого царя, который уже отправился на тот свет и выполняет обязанности представителя народа и страны перед божеством; согласно учению культа предков, живущий потомок имеет самую прямую и непосредственную связь со своим усопшим родителем, поэтому он – лучший медиатор в коммуникации с загробным миром и божеством через своего предка; а в свой срок он и сам отправится к божеству с самой свежей и актуальной информацией о состоянии дел в государстве. Поистине, кто лучше правителя знает, как реально обстоят дела на местах?

Вариант третий: царь сам есть верховный жрец, приносящий жертвы (по правилам той же ритуально-симпатической магии жрец не отличен от жертвы). Пример – снова фараон, а также любая другая политическая структура, в которой верховный правитель одновременно является первосвященником, как понтифик, папа Римский.

Вариант четвёртый: ритуальная смерть. То есть полусмерть или смерть понарошку, обставленная как настоящая или повторяющая ритуал инициации, который всегда имеет своей основной символическую демонстрацию смерти и возрождения в новом статусе. Пример – каган Хазарии, которого при вступлении в должность душили шёлковой ниткой, но не до конца. Ещё пример – церемония инаугурации президента, инициатический обряд (принят в так называемых демократических культурах современности и сопровождается запретом для кандидата занимать свой пост более чем два раза подряд, или более чем два раза вообще, или даже более чем один раз, так как неоднократно «умерщвлённый» и снова «воскрешаемый» президент – это не добросовестный посланник к богам, а какой-то граф Дракула, вурдалак или зомби).

Вариант пятый: убийство двойника царя. Это способ «обмануть» божество, алкающее жертвы, подсунув копию, аналог или родственный объект вместо оригинала. У пятого варианта есть несколько подвариантов.

Подвариант первый: принесение в жертву брата-близнеца. Близнецы, в силу неразличимости, считались как бы одним человеком. Если рождались близнецы, то это толковалось как знак богов, требование приношения, и одного близнеца следовало принести в жертву; тогда второй становился одновременно живым и мёртвым и мог быть царём. Пример – Яма, царь мёртвых в индийском пантеоне (его имя, возможно, есть отголосок архаического ритуала, оно значит «близнец»).

Подвариант второй: братоубийство. Рождение близнецов – довольно редкое явление, но простые братья тоже считались в некотором смысле тождественными друг другу. Поэтому один брат мог принести в жертву (отправить посланником к божеству) другого брата вместо себя и на этом основании стать царём. Пример – Ромул и Рем, царь – основатель Рима. Ещё примеры – Каин и Авель, Чингисхан (убивший на заре карьеры своего названного брата), менее удачливый Святополк Окаянный (и более удачливый Ярослав Мудрый, который, есть такое мнение, и организовал убийство братьев) и множество других: царь-братоубийца – весьма распространённый в истории, мифологии и литературе сюжет.

Подвариант третий: убийство любого другого родственника царя как тождественного ему в силу кровных уз. Примеры многочисленны, читайте историческую литературу (монархьи особы только и делали, что умерщвляли свою родню).

Подвариант четвёртый: принесение в жертву специально найденного и подготовленного двойника. Жертву могли выбирать по критерию внешнего сходства с царём или сделать двойником символически – обрядить в царские одежды, оказать почести, а потом умертвить вместо настоящего правителя. Примеров я сейчас не могу вспомнить, но наверняка они есть – история злодейств человечества столь разнообразна, что, о каком бы преступлении вы ни подумали, его уже наверняка совершали, и не раз, особенно цари. В данном случае убийство имело ритуальный характер.

Вариант шестой: любые другие субституты царя-жертвы, не связанные с ним ни тождеством, ни аналогией. Пример – Иисус Христос, Мессия, «царь иудейский», принёсший себя в жертву (и отправившийся к Господу Богу ходатайствовать за всех людей) за и вместо нас, а в частности и в особенности – за христианских царей, правящих на земле от его имени. Лучший и самый изученный пример – *ашвамедха*. Ритуал совершался царём для провозглашения и укрепления царской власти (подробно описан в ведийской литературе). Специалисты единодушны во мнении, что приносимый в жертву после долгого периода церемоний белый конь являлся жертвенным субститутутом самого царя. Ашвамедха повторяет в основных чертах другой ритуал, ещё более архаичный – *пурушамедха*, то есть буквально: человеческое жертвоприношение. В ходе церемоний предполагалось убийство более чем сотни человеческих особей всех цветов (включая обязательно одного чернокожего – *нишада*) и сословий. Согласно литературе, на последнем этапе осуществлялась замена людей (кроме чернокожего?) на жертвенных животных. Специалисты не единодушны, но лично я убеждён, что в изначальном, архаическом варианте людей действительно убивали.

Ещё один, самый оригинальный способ – убийство своего врага как субститута самого себя, но не по принципу аналогии, а, напротив, как антипода. Примеров не счесть, возьмите любые войны или казни политических противников. Но я приведу недавнюю историю: ликвидация американским спецназом врага Америки номер один Усамы бен Ладена. По внутренней логике ритуала сначала производится возгонка персонажа, раздувание его значимости, враждебности и могущества, а затем он приносится в жертву. Магическое обоснование таково: убитого и не отомщённого своими соратниками врага принуждают стать рабом своего убийцы в загробном мире. Такие представления имели многие народы. Раба можно использовать и для

того, чтобы отправить божеству послание. Единственным условием контроля над убитым врагом и рабского состояния его души является взятие с тела убитого того, что чеченцы знают как *цъет* (они и монголы для этого отрезали у мёртвого ухо), а индейцы и первые американские поселенцы – как скалып (эти использовали кусок кожи с волосами, срезанный с черепа). Я уверен, что у бен Ладена тоже что-нибудь такое отрезали (формально – для генетической экспертизы).

Вот, пожалуй, и всё, что мне известно о хитростях царей, стремящихся избежать ритуальной смерти. Но вполне возможно, что были, есть или ещё будут и другие варианты.

В завершение хочу отметить, что цареубийство в этом ракурсе есть не отрицание монархизма, а исполнение миссии монарха, сакрального предназначения царя в мире. Не нарушить пришёл я, но исполнить – так мог сказать о себе любой из народовольцев, готовивших покушение на царственную особу. И Ленин тоже не нарушил, но исполнил. Народ обращается к принудительному исполнению царской судьбы, когда видит, что все хитрости и уловки не работают: на страну обрушиваются беда за бедой и понятно, что божество не получает наших посланий. А это значит, что посланнику пора отправляться в дорогу.

Спасибо за внимание.

Лист VI

Дорога

После мероприятия Иван Борисович оделся в миниатюрном гардеробе дискуссионного клуба и вышел на улицу. У крыльца стоял Асланян и курил. С неба струился колкий и сверкающий снег. Ауслендер поднял воротник пальто. Асланян пожал ему руку и сказал:

– Поздравляю. Хороший доклад. Ничего нового, но подано свежо. И коротко. Вот что я люблю в твоих концептуальных выкладках – лаконичность. У другого не продерёшься через подступы, вставки, цитаты и просто галиматью. Страниц десять нужно осилить, пока поймёшь наконец, что брат свистулькин хотел сказать. И ведь, как правило, чушь. Но обязательно раздутая до объёма докторской диссертации. У тебя не так: раз, два, так, сяк, тыр-пыр, восемь дыр – и всё ясно. Такая концепция. *Love it or leave it*. Молодец. Ты как сейчас, куда?

– Домой. Виктория обещала забрать. Только я её что-то не вижу.

– А зачем? У меня Аня на колёсах, мы тебя довезём.

– Да ну, неудобно. Далеко ведь.

– Ничего не далеко. Бешеному профессору семь вёрст не крюк.

– Тогда ладно... спасибо. Сейчас я только Виктории позвоню.

Ауслендер долго рылся в портфеле, пытаясь коченеющими руками найти на ощупь мобильник. Вы, наверное, тоже замечали, что когда хочешь, не заглядывая в сумку или в портфель, найти что-то на ощупь, то попадаете всё что угодно, только не искомый предмет. Попадают ручки, визитки, тетрадки, ножницы (откуда у меня в портфеле ножницы?), ключи одни, ключи вторые, носовой платок, третьи ключи, мешочек с чем-то сыпучим и мягким (что это?), угловатый и твёрдый предмет (а это что, что это, ох, пистолет?.. уф-ф... нет); в общем, Иван Борисович перепальпировал всё содержимое портфеля, прежде чем вытащил телефон. Он позвонил Виктории. Виктория была далеко («Я не думала, что ты так быстро кончишь», – о чём это она?), сидела в кафе с подругой. На заднем плане скрипела музыка. Ауслендер сказал, что его забирать не надо, его подвезут («Ну хорошо!» – «Ты когда будешь дома?» – «Я пока не знаю, мы только встретились». – «Понятно». – «Целую!»).

На пухленькой жёлтой «мазде» подкатила Аня. Ауслендер с трудом протиснулся на заднее сиденье. Рюрик сел на переднее сиденье – со значением, как взошёл бы на капитанский мостик. «Трогай, – скомандовал он, словно это были сани, а Аня была ямщик, – завезём Ивана». Аня молча кивнула.

Ауслендер думал про автомобили и женщин. Про женщин с автомобилями. Женщин за рулём и тех, кто рядом с такими женщинами. Насколько знал Ауслендер, положение водителя даёт ему некоторое превосходство и тонкую власть. Так было всегда с его женщинами. Стоило им занять кресло шофёра, как появлялась вот эта усталая снисходительность, а Иван чувствовал себя как клиент перед патрицем: приниженным, обязанным и всегда недостаточно благодарным за оказываемую честь и милость. Но Асланяну подобные комплексы были, видимо, незнакомы. И Аня была с ним совсем другой, не такой, как Виктория с Ауслендером. Глупо так думать, конечно, размер не имеет значения, но всё же: Рюрик Иосифович был невысокий, худой, Аня была крупнее. А Иван Борисович по всем измерениям был раза в два больше Виктории. Но Аня слушалась Асланяна, а Виктория Ауслендера совсем не слушалась. Может, подумал Иван Борисович, жизнь была справедливее в те времена, когда габариты особи прямо, а не обратно коррелировали с её положением в стаде или в паре?

Про свой доклад Ауслендер не думал. Но профессор вернул его к теме выступления.

– Иван, вот я всё послушал, я говорю: ты молодец, очень интересно. Но чего вы хотите?

– А?

– Ну, вы, протестующие, чего вы на самом деле добиваетесь?

Ауслендер смутился, уже в который раз за последние несколько дней. Он ещё не привык к тому, что его причисляют к политически активной тусовке, да к тому же требуют пояснить задачи и цели протеста. Он всего-то разок выступил на митинге и сейчас вот лекцию прочитал, имеющую весьма опосредованное отношение к актуальной политике. И ещё одна мысль была, крамольная и неучтивая, она не посмела откровенно обозначиться в голове, но где-то на дне ментального процесса мелькнула кривляющейся тенью: а не ты ли, милый друг Рюрик Иосифович, меня во всё это втянул?

Асланян был действительно свободен от комплексов, в том числе и от комплекса вины. Поэтому он продолжил:

– Вы, если выразаться предельно просто, хотите только одного: чтобы Путин ушёл.

– А!.. В этом смысле. Ну, да.

– А зачем?

– М-м-м... чтобы была нормальная сменяемость власти.

– Кому она нужна?

– Ну как – кому? Всем. Народу.

– Чушь. Народу нужен царь. Ты же сам сказал: Россия – необжитое, катастрофическое пространство. Стихии. Царь.

– Россия плохо обустроена, поэтому ей нужен царь. А плохо обустроена она потому, что у неё всегда какой-нибудь царь, а не человеческое правительство. Это порочный круг.

– Допустим, ты это понимаешь. Ты и ещё некоторые. Немногие, прямо сказать. Ну ладно. Если верить твоей концепции, то массы обладают сознанием религиозного типа. Другого нет. И профпригодность царя они бессознательно определяют по набору иррациональных признаков, так?

– Так, но...

– Погоди. И вот по данному критерию Путин – хороший царь. Лучше не бывает.

– Но почему, есть же...

– Да нет же. Вы критикуете Путина за что? За то, что он неэффективный правитель. За то, что он как-то там неправильно управляет. А почему он вообще должен чем-то там управлять? Он же царь! У него другие задачи, ты сам говорил.

– А мы не хотим...

– Да и кто когда управлял этой страной? Этой страной невозможно управлять! Она неуправляема! Вернее, она всегда управляется сама, сама собой управляется. Слишком большая, пустая и разная! Заснеженная пустыня, по которой идёт лихой человек! Идёт и боится. Потому что другой лихой человек идёт по его следу, а за сугробом в засаде сидит третий, который ждёт их обоих, но – чу, звенят колокольцы, едет на санях с мигалкой четвёртый лихой человек, который схватит всех троих и отправит на каторгу, в землю ещё более заснеженную и пустую, а такая в России всегда есть. И каждый прячет за пазухой свою краюху хлеба и свой кисет с табаком, и за голенищем у каждого – нож. Так какой тут консенсус? Какое умеренное насилие? Тут одно только может быть: царь. Чтобы решал вопросы с метелью и вьюгой, регулировал высоту сугробов, вовремя включал и выключал солнце. А со всем остальным народ как-нибудь сам справится. Всегда справлялся и теперь справится сам.

– Эк ты нарисовал. По русской классике. Но где-то я уже встречал такой поворот.

– Да мало ли где ты его встречал, я же копирайта не ставлю. Ты помнишь госпожу Матвиенко?

– Помню.

– Из-за чего её с губернаторов убрали, помнишь?

– Есть разные мнения. Говорят, что...

– Да не надо разных мнений! Вот так, просто, наобум, что первое вспоминается?

– Ну... сосули.

– Именно что сосули! Иначе говоря, наледь. Эта самая наледь образуется от хаотической смены оттепелей и заморозков. А всё, что там говорят про крыши, коммунальщиков, отопление, – бред. Что она предложила, помнишь?

– Лазером сбивать.

– Да! Лазером. Бластером. Нанотехнологией. Что это такое? Это беспомощность! Профнепригодность! Какие лазеры? Ей надо было следить за климатом, чтобы не было такой фигни! Надо было договориться с зимой и весной, чтобы сменяли друг друга в положенный срок, по порядку, а не спорили и не дразнились! Надо было вызвать на ковёр двенадцать месяцев и отчитать, построить, или подкупить, или запугать – как угодно, но встроить во властную вертикаль! А она не смогла. Поэтому – до свидания, Валентина Ивановна! Странно, что мне приходится объяснять тебе, тебе самому, самые простые и прямые выводы из твоей же собственной концепции!

Ауслендер промолчал. Он чувствовал себя парадоксальным образом польщённым.

– И смотри. Теперь у нас другой губернатор, Полтавченко. Что мы видим в первую же зиму его губернаторства?

– Это же не от него завис...

– А от кого??? Ты не можешь объяснить как? Ты сам не веришь в свою теорию? Но какая разница, если она работает?! Была Матвиенко, и каждую зиму наваливало непроходимые сугробы, снегоуборочная техника не справлялась, люди, чертыхаясь, каждый вечер чистили места под парковки, а по утрам, матерясь и проклиная (кого?), откапывали свои автомобили из-под снега; несвоевременные оттепели сменялись морозами, из-за чего образовывалась наледь, которая падала с крыш и калечила, даже убивала прохожих. Как только пришёл Полтавченко – всё! Снега в эту зиму выпало чуточку только, для придания колорита, о наледях вообще ничего не слышно! Вывод: Полтавченко – правильный наместник, а тот, кто его поставил, – правильный царь. Никому не интересно, как он договорился с арктическим циклоном. Главное – договорился же!

– Ты, по-моему, как-то слишком буквально меня трактуешь.

– А ты как хотел? Теперь царь. То есть Путин. Вы говорите, что все достижения последних двенадцати лет, стабильность и относительное благополучие – это не его заслуга. Это просто потому, что растут цены на нефть. А почему они растут?

– Самое внятное объяснение, по-моему, – это решение Америки не допустить удешевления энергоресурсов для Китая, иначе американская экономика не сможет быть конкурентной.

– Да к чёрту Китай! Кому он нужен? Китай уже четыре тысячи лет как Китай, а нефть только сейчас стала стоить больше ста долларов за баррель! Что мы видим: до Путина нефть падала в цене и всё было плохо. Пришёл Путин, и нефть стала расти! Расти и расти! И растёт! Продолжает расти! И всё стало хорошо! Выходит, он с кем-то там договорился. И если на данный момент благополучие России зависит от цен на нефть, то Путин – именно тот царь, который нужен России. Он, может, и плохой управленец. Может, вообще никакой. Он, может, только и делает, что целует мальчиков и тигриц да ныряет за горшками. Но цены на нефть – растут! Это и есть те самые иррациональные причины, то самое умение устанавливать контакт со стихиями, та сверхчеловеческая функция царя, о которой ты сам нам рассказывал.

– Или случайность.

– Случайность? А я думал, ты детерминист. Хорошо, оставим нефть. Возьмём другой пример, более подходящий к твоим языческим выкладкам: урожай. В последние десять лет Россия впервые за всю свою историю стала производить излишки зерна! Россия экспортирует зерно! Подумать только: Россия, аграрная страна с преобладающей долей крестьянского населения, никогда не могла произвести достаточно зерновых! Да, в царские времена экспортировали пшеницу, но только за счёт низкого внутреннего потребления. Крестьяне ели лебеду, а помещики продавали зерно за границу. И при советской власти что только не делали: и внед-

ряли новейшие агротехнические методы, и селекцию производили, и поднимали целину, – а хлеб всё равно закупали в Канаде на деньги от продажи нефти, которая тогда стоила копейки! А теперь колхозы закрыли, сельское хозяйство развалили, посевные площади сократились в разы – поля стоят, заросшие бурьяном, – а зерна вырастает столько, что каждый год элеваторы не справляются и квоты на экспорт, если они ещё есть, разбираются влёт!

– Я думаю, это потому, что снизилось потребление зерновых в скотоводстве. Раньше Россия и СССР сами обеспечивали себя мясом и молоком, а на корм скоту идёт очень много зерна. Чтобы получить одну условную пищевую единицу мяса, нужно затратить от двух до четырёх условных единиц зерновых. Сейчас порядка семидесяти процентов потребляемого мяса импортируется. И сыры, и прочие молочные продукты.

– Может быть. Но мне недавно рассказывал наш далёкий родственник, он армянин из Новороссийска, не филолог – бизнесмен, занимается как раз сельским хозяйством, что в Советском Союзе средняя урожайность пшеницы была двенадцать центнеров на гектар. А сейчас не везде, конечно, но в Краснодарском крае – больше сорока центнеров! Это, по-твоему, что? И ещё: раньше что ни год, то засуха или смерч, а последние несколько лет – никаких засух и обильное выпадение осадков!

– Климатические зоны сместились. В южных районах климат стал более влажным, а на севере – теплее и суше.

– Да! Сместились климатические зоны! Это же надо так уметь договариваться! На высшем уровне! Так какого же хрена нам ещё надо?

– Но как?..

– Да какая разница. Если вспомнить опять же твою теорию, то с помощью жертвоприношений. Давай вспомним: вот Путин пришёл к власти. Что он сделал?

– Это страшно – то, что ты говоришь. И ненаучно. Даже с точки зрения *брахман* и *араньяк*. Потому что нигде не сказано, что можно просто... бомб накидать. Ритуал очень сложный, обязательно следовать ему в точности и мантры произносить. К тому же человеческие жертвоприношения в Ведах были отменены ещё в позапрошлую эпоху, а в наш век вообще все жертвоприношения отменены, так как никто не может совершать их правильно и принесение в жертву даже мелких животных превращается в простое убийство, в бойню, мясокомбинат.

– Да я не спорю. Я в этом деле не специалист. Я вообще во всё это, честно говоря, не верю. Жертвоприношения, обсидиановые ножи, заклинания, тайные ритуалы, сакральная власть... Чушь всё это. И твой доклад, не обижайся, он очень... хм... литературно талантлив. Но всё это – только мистика, наукообразная мистика, не более. Если рассматривать как чисто этнографическое исследование, тогда может быть... а так всё это – только в твоей голове. Люди смотрят на вещи проще.

– Зачем тогда ты...

– Я всего лишь развил твою теорию. Довёл до логического конца. *Ad absurdum*, если хочешь. Меня беспокоит, что вы сами воспринимаете всё это слишком серьёзно. Ты в частности. Я, кстати, ещё раз тебе советую: запишись к психоаналитику. У тебя же в голове чёрт знает что...

Всё это время Аня молчала и старательно вела автомобиль. Ни разу не попыталась вмешаться в диалог. «Как удивительно!» – подумал Ауслендер. И ещё подумал, что Виктория так бы не смогла, обязательно произнесла бы несколько реплик – не столько для того, чтобы поддержать разговор, сколько для того, чтобы переключить внимание на себя. Иван Борисович погрузнел.

А Рюрик Иосифович продолжил:

– И зачем, спрашивается, вы протестуете? Исходя из твоей же теории, смысла нет. Если только...

Асланян неожиданно помрачнел.

– Если только вы не решили предложить самих себя в качестве новой жертвы.

Сон I

Первый сон Ауслендера

Виктория вернулась не очень поздно. Было всего около двух часов ночи, когда в скважине железной двери заскрипел ключ и механический язычок с лязгом открылся. Иван не волновался, так как знал, что она вернётся сравнительно рано. Потому что она была за рулём, следовательно, не пила. А долго ли просидишь в кафе, если не пьёшь? Несколько часов от силы. Другое дело, когда Виктория отправлялась на встречу с подругами, друзьями, бывшими коллегами, однокурсниками или одноклассниками без машины. Тогда она могла заявиться под утро или даже фактически на следующий день, и в состоянии нечеловеческом. И каждый раз она не хотела просто лечь спать. Всё происходило по одному и тому же унылому сценарию: сначала эйфория, желание общаться, приставание. Потом обида. Некоторая пауза, не предвещающая ничего хорошего. И безумный громкий скандал, истерика, слёзы, крики, все мыслимые и немыслимые оскорбления. И только доведя себя и мужа до предельной точки отчаяния, когда Ауслендер хотел выброситься в окно с девятого этажа, Виктория затихала и спала до вечера. После чего супруги две недели не разговаривали, пока самые униженные извинения Ивана Борисовича не принимались женой, которая полагала, что с ней поступили в высшей степени несправедливо (правда, она не помнила и не смогла бы вразумительно объяснить, в чём именно это выражалось).

Ауслендер лежал в постели, но не спал, пока Виктория принимала душ, переодевалась и мазалась на ночь кремами, нервно стучая баночками по трюмо в притихшей ночной квартире. Через полчаса, которые длились как целых десять часов, она плюхнулась на кровать, замоталась в своё одеяло и сказала одно слово: «Спать!» Иван повернулся к стене и стал думать о чём-то приятном, постепенно погружаясь в сон.

Когда он был помоложе, чем-нибудь приятным всегда был секс. Иван думал о сексе, и это помогало ему заснуть. В сладкой и вязкой истоме эротической фантазии он уплывал к берегам сна, где всё знакомое становилось волшебным и необычным, а самое чудесное – простым и знакомым; где обитали чудовища и принцессы, взаимно превращающиеся друг в друга, неоновые-яркие цветы и цвета, мягкие травы и животные с белой шерстью, а на опушке лилового леса брёл в молочном тумане единорог. С годами фантазия оскудела и сам секс больше не был чем-то приятным. Иван знал, что ему нужно подумать о чём-то чувственном, иначе не уснуть: если мыслить мыслями, а не ощущениями, то ум начинает так тарахтеть, какой уж тут сон! Но о чём думать, на что медитировать? Не на еду же. Хотя еда, безусловно, очень приятный чувственный опыт. В туалет сходить тоже бывает приятно, облегчиться, особенно если давно хотел, но это же не объект для медитации!

Иван пробовал думать о чём-то абстрактном. Абстрактно-приятном. Невыразимом, но ощущаемом. Иногда удавалось. Иногда Иван даже летал во сне – вернее, в том зыбком промежутке между явью и сном, когда звонок телефона может грубо вернуть вас обратно в материальный мир и снова заснуть будет трудно, и вы проклянёте всех, кто звонит в неурочное время. А летать было так легко, так приятно! В этот раз Ауслендер примыслил себя идущим по лугу, заросшему разнотравьем (вот она, подумалось, целина, которую поднимали комсомолцы, а теперь опустили, отпустили обратно, и она одичала, заросла, но это ничего, потому что оставшиеся посевные площади стали давать урожай в три и в четыре раза больше, чем раньше, когда хотели всю землю распахать и засеять, не оставив ничего для трав и цветов, для бабочек и жуков, для мышей и лягушек, для ауслендеров, которым непременно нужно идти босиком по сорной траве в сновидческом теле, чтобы выключить перегретый и переработавший за день мозг). Иван сначала шёл твёрдо, потом словно легчал, и вот уже меньше приминалась трава, а потом он неожиданно заметил, что стопы упираются в прозрачную твердь на высоте ладошки

от верхушек травы; и тогда Иван лёг на крыло, выровнялся горизонтально, расправил руки и медленно полетел. «Как это легко – летать!» – думал Иван. Гораздо легче, чем ходить. На самом деле ходить очень сложно. Нужно попеременно напрягать и расслаблять десятки мышц, сгибать сочленения, координировать движения одно за другим. Надо правильно вынести вперёд одну ногу, утвердить её на земле, перенести центр тяжести тела и только тогда оторвать вторую ногу, чтобы занести её вперёд первой, и повторить процедуру. И если что-нибудь напутаешь, то споткнёшься и упадёшь. Это очень трудно – ходить! Поэтому дети не сразу могут ходить, они долго учатся. А летать – легко! Надо только ощутить в себе этот центр – центр лёгкости. И равномерно распределить. От земли идёт две волны: одна притягивает, другая выталкивает. Обычно мы встаём на тянущую волну и по ней идём, переставляя ступни. А если наоборот, то ничего переставлять не надо! Распластаться и ощутить это тёплое, лёгкое, поднимающееся, как нагретый воздух. Поймать течение, а трение так незначительно, что хватает легчайшего усилия, просто мысли о нём – и ты полетел. Так же и на воде: кто-то умеет плыть и держать себя на поверхности, а другой не умеет, и тянущая волна увлекает его ко дну, хотя потом, когда он уже утонул, его всё равно выталкивает на поверхность! Ауслендер подумал: странно, что земляных покойников земля не выталкивает наружу. А может, и выталкивает, просто мы не знаем или не видим. Выталкивает, поэтому мы кладём сверху тяжёлый камень. И ставим крест. Но думать о покойниках не надо, лучше думать о детях. Вот, дети, да! Почему мы учим детей ходить? Ведь это так сложно! Лучше сразу учить летать, тогда и переучивать не придётся...

В этой блаженной точке выключился внутренний свет и сознание Ауслендера (или уже ничьё) вошло в благоприятный, питательный и восстановительный режим сна без сновидений.

Лист VII

Оргкомитет (раскалывание)

Балканский не присутствовал на чтении доклада в дискуссионном клубе «Синяя лампа». Но на следующий день он позвонил и поздравил. Сказал, что ему рассказали: все были в восторге. Всем очень понравилось. Балканский так хвалил Ауслендера, что последнему стало неловко. В завершение разговора Балканский предложил Ивану Борисовичу принять участие в ближайшем заседании оргкомитета протестных акций. Ауслендер, чувствуя себя обязанным (хотя и не понимал, за что именно), поспешно согласился.

Через день, вечером, после окончания занятий в университете Иван Борисович сел на троллейбус и поехал на Невский проспект. Он вылез примерно в районе названного номера дома, у светофора перешёл на противоположную, чётную сторону. И стал искать по адресу, который сообщил ему Дмитрий Балканский, помещение, где собирался оргкомитет. Сначала он прошёл мимо, дошёл до угла, пересёк улочку и увидел, что номер следующего дома больше нужного, вернулся и определил: где-то здесь. В арке кучковались какие-то люди, слышались обрывки разговоров: про политику, про шествия, про партии и протест. Иван Борисович миновал арку и во внутреннем дворе по скоплению народа опознал нужную дверь. Без стеснения он обратился к мужчине, кутившему около входа:

– Уже началось?

– Сейчас начнётся. Заходите.

Никто не спрашивал фамилий и пропусков. Люди просто заходили с улицы, все подряд. Это и был оргкомитет.

Помещение принадлежало микроскопической партии или политической организации (насколько знал Ауслендер, по действующему законодательству политические меньшинства были лишены прав партий и переквалифицировались во что-то другое, не запрещённое законом) умеренно-демократической ориентации с названием, воскрешавшим память о священной горе. Раньше священные горы имели большое значение в культуре человечества. Но почитание гор было распространено, естественно, только там, где эти самые горы были. «Гора Меру» – привычно подобрал Ауслендер индийский аналог расхожему образу греко-латинской мифологии. В помещении стояли и сидели люди, несколько десятков. Люди сидели на беспорядочно расставленных стульях, на продавленном и залитом всем, что только можно себе представить, диване, люди стояли, подпирая плечами стены, углы, косяки и просто так. У правой стены находился кулер с водой и был стол, на котором виднелись остатки тайной вечери, что состоялась ещё третьего дня, никак не позже. Неряшливо сдвинутые пластиковые тарелки с обедками, стаканы и кружки, не вымытые после чая и ещё чего-то нечаянного. Пара бутылок с вином стояли початые. Иногда кто-нибудь пробирался к фуршетному краю и наливал себе воды или вина или брал печенюшку, но редко; большинство собравшихся этим не интересовались. Кто-то раздевался и скидывал верхнюю одежду на спинку дивана, на стулья, вешал на обнаруженный в стене гвоздь; прочие оставались одетыми, только расстёгивали куртки и разматывали шарфы. Собрание умеренно-возбуждённо гудело и переговаривалось.

По центру у дальней стены был расположен стол, очищенный от объедков: за ним примостились симпатичная женщина (Ольга Веснушкина, как скоро узнал Ауслендер), Балканский и ещё один молодой человек. Веснушкина быстро провела голосование по поводу своего назначения председателем собрания (никто не возражал – какая разница?) и начала переключку присутствующих с занесением наименований организаций и фамилий представителей на вырванный из школьной тетрадки двойной листок. Ауслендер стоял, слушал и удивлялся. Своих представителей прислали организации самые разные, порою просто экзотические. Были «системщики» (КПРФ), «полусистемщики» («Яблоко»), недопартии вроде «Горы», «Иной

России» и прочих, а также союз автомобилистов, несколько славянских союзов, два всеславянских союза и один панславистский союз, русское национальное движение, национальное движение «Русь» и объединённый русско-славянский фронт (каждая вселенская славянская или русская организация была представлена сразу двумя или тремя вождями; похоже было, что они же и составляют весь списочный состав таковой). Ауслендеру в этом национальном собрании не хватало представителей *арья самадж* («арийское общество»; звучит пугающе, но на самом деле это мирная культурная организация индусов-ритуалистов). Был комиссар от «Ингерманландии», сепаратистской организации, призывающей к отделению Северо-Запада от прочей России (Иван Борисович вспомнил, что на историческом факультете у телефона-автомата ещё в раннепостсоветские времена кто-то написал чёрным маркером то ли в шутку, то ли всерьёз: «Русские, вон из Ингерманландии!»), но никто из патриотов, имперцев и националистов с ним в пререкания не вступал. Вообще никто никого не хотел съезить: это было похоже на Ноев ковчег, где львы бродили по палубе бок о бок с ланями, но сдерживали свой хищнический инстинкт (вот спадёт потоп, расселимся по равнинам, расплодимся, и тогда держитесь!). Три или четыре общества гражданских активистов имели своей целью спасение каких-то конкретных лесов, парков и рощ от застроек и прокладок трасс. В последнее время спасти деревья и рощи стало популярным трендом в народной политике. Иван Борисович понимал: это зов предков. Кельты и славяне всегда имели рядом с местами проживания священные рощи, которые заменяли им культовые сооружения и были естественными храмами под открытым небом. Современные горожане объясняют необходимость сохранения лесопарковых зон тем, что им нужно где-то выгуливать своих детей и собак. Но похоже, что и детей и собак они заводят только для того, чтобы можно было легитимно бродить час или два между деревьев, нарезая круги по священной роще или проходя её вдоль. Большинство из них считают себя по вероисповеданию христианами (или атеистами), но в церкви (или в планетарии) бывают хорошо если раз в год, а культовые рощи посещают каждую неделю, а то и ежедневно. Ничего не меняется: мы всё те же язычники, что и раньше, только в карманах айфоны.

Размышления Ауслендера прервал голос Балканского, который объявил его как представителя научной общественности. Иван Борисович подумал, что это как-то неудобно – его ведь никто не уполномочил, – но не стал возражать. Почему бы и нет? Если любые два-три молодых (а иногда и не очень молодых) человека берут на себя смелость заявлять, что уполномочены представлять интересы всей русской нации, а то и всей братской семьи славянских народов, то почему он, Ауслендер, кандидат филологических наук, не может считаться некоторым образом посланником от всей научной общественности по крайней мере одного города – Санкт-Петербурга?

Основные дебаты разгорелись вокруг списка выступающих. Каждая организация обязательно имела в виду выставить своего оратора, а то и двух. Но в таком случае список получился бы слишком раздутым. Веснушкина устала раз за разом объяснять, что нужно не разделение, а консолидация на общей платформе: требование честных выборов. Поэтому узкопартийные выступления неприемлемы. Балканский снова предложил кандидатуру Ауслендера как равноудалённого от всех партий, и предложение было на удивление быстро принято всеми присутствующими. После чего спор относительно своих ораторов продолжился.

Собрание завершилось составлением уведомления городских властей о проведении шествия и митинга, под которым заявители ставили свои подписи. Ауслендер сам не понял, как он попал в число заявителей, но послушно расписался. И пошёл домой.

«Вот оно как... закрылось», – думал Иван Борисович.

Лист VIII

Семья

Дома никого не было. Виктория редко приходила раньше Ивана Борисовича. Даже если Иван Борисович задерживался, Виктория, словно чувствуя, когда и насколько, задерживалась ещё больше и всё равно приходила позже. Кушать было нечего, что Ауслендера несколько не удивило. Он знал и помнил первый постулат их семейной жизни: хочешь есть? Сходи в магазин, купи продукты, приготовь и ешь себе на здоровье! Представления о том, что где-то бывают такие жёны, которые ждут мужа дома, готовят ужин и гладят рубашки, казались Ивану Борисовичу устаревшей мифологией. Жена – это не мать и не повар: с чего вдруг она будет готовить? Жена – это совершенно самостоятельное существо, несколько враждебное мужу, антагонист; практической пользы от неё никакой, но без жены никак не возможно. Так мир устроен, что в сердце узел, связывающий нас с материальным миром, – это любовь к жене и к детям, у кого они есть. Жена – это вечный вызов и неусыпный контролёр: она назначена свыше подмечать каждый наш промах и жестоко наказывать за любое неудачное слово и опрометчивый поступок. Ей дана над нашей жизнью всякая власть. Жена есть дисциплина, вернее, дисциплинирующий фактор: в мире никогда нельзя расслабляться, тем более с женой. Следи за собой, будь осторожен!

Иван Борисович был даже рад, что у него есть это время – иногда полчаса, иногда два или три часа, – когда он дома один. Можно было представить себе, что это его дом, что он тут живёт и даже как бы домохозяин, то есть человек свободный и самостоятельный. Можно было есть, пить, садиться где угодно, занимать компьютер, можно было лечь и смотреть телевизор, переключая каналы, можно было делать любые глупости, ни у кого не спрашивая и никого не боясь. В присутствии супруги Иван Борисович должен был немедленно освобождать любое место по первому требованию и, конечно, передавать пульт управления телевизором: впрочем, ему не запрещалось лечь или сесть рядом и смотреть ту программу, которую выберет Виктория.

Иван Борисович вскипятил в электрическом чайнике воду (так быстрее) и вылил её в кастрюлю, которую поставил на газовую плиту. Встроенная пьезозажигалка воспламенила синий цветок. Вода забурлила, и Ауслендер закинул в кастрюлю макароны в форме ракушек. Сразу помешал, чтобы ракушки не прилипли ко дну кастрюли. Когда вода с макаронами снова закипела, Ауслендер добавил соли и насыпал немного куркумы, чтобы цвет ракушек был жёлтым и приятным. Оставив макароны вариться, Ауслендер взял сковородку с тефлоновым покрытием и поставил её на другую конфорку. Включил огонь на самую малую мощность. Растопил сливочное масло, обжарил карри, мелко нашинкованный лук и нарезанные дольками помидоры. Когда соус был готов, ракушки уже сварились. Технология была давно выверена по минутам. Иван Борисович слил воду и перемешал в кастрюле содержимое сковородки с ракушками. Вуаля!

Ауслендер с видимым сладострастием навалил себе полную чашку еды, сверху залил соевым соусом, сметаной, достал из ящика китайские палочки и стал жадно есть. Вспомнил о чае и снова поставил кипятиться электрический чайник.

Насытившись, Иван Борисович прошёл из кухни в комнату. Полное пузо тянуло вниз, хотелось просто и сразу плюхнуться на кровать. Но кровать была не застелена. Сегодня Виктория ушла из дома позже, а она никогда не застилала постель. Когда Иван Борисович вставал позже супруги, он сам убирал кровать. Но если он уходил, пока Виктория ещё спала, он никак не мог этого сделать. Виктория же убирала только свою половину, поправляя подушку и аккуратно складывая своё одеяло пополам. Убирать половину мужа и застилать сверху покрывалом она считала недостойным её занятием. Но если бы она застала мужа валяющимся на неубранной кровати в одежде, то начался бы скандал, так как Виктория раз в месяц лично

стирала бельё и перестилала кровать и не могла допустить, чтобы грязный отвратительный тип в уличной или даже в домашней одежде пачкал чистые простыни и пододеяльники.

Ауслендер всё терпел, но вот эта необходимость вечером заправлять постель, чтобы пару часов полежать с книжкой или перед телевизором, его доставала. Доводила до бешенства. И становилась причиной локальных бунтов, о которых мы уже рассказывали.

В тот вечер Иван Борисович успокоил себя, убрал кровать и прилёг. Но только он взял в руки красный томик «Материализм и эмпириокритицизм», сочинение В.И. Ленина в издании 1931 года, как в прихожей послышался шум: жена пришла. Ауслендер поднялся с кровати и вышел встречать.

– Ты не голодна? Я сварил макароны.

– Нет, я поужинала.

– А, ладно... Как прошёл день?

– Плохо.

Иван Борисович почувствовал себя виноватым и подумал: бедная девочка! Она так старается у себя на работе, но получается плохо. Она не виновата. Она хорошая. Вот только не убирает постель... но это ничего.

Ауслендеру захотелось рассказать жене о том, что он участвовал в собрании оргкомитета протестных действий и даже поставил свою подпись под заявлением о митинге. Что он теперь политический деятель, и не последний в городе! Бывало, они садились на кухне и разговаривали. Виктория слушала мужа и рассказывала сама про то, что творится у неё в компании. Они ели, а жена ещё и выпивала. Это было уютно и мило. Но сегодня она была не в настроении разговаривать, и Ауслендер с книжкой ушёл на кухню. Но читать не получалось. Мысли неслись вразнос, как крысы, запряжённые в кукольную карету.

Иван Борисович думал: всё в конечном итоге становится прозой. Всё проходит, остаются лишь книги. Хорошо, наверное, быть писателем! Можно из любой дряни сварить роман, приправив, как соусом, острой фантазией обыденность собственной жизни. А можно, наоборот, придумать себе любую судьбу, написать про это и словно бы прожить, и нет никакой разницы, было ли это взаправду с тобой или нет, если всё равно всё прошло и осталась только книга, остались слова и фразы, строчки и страницы романного текста.

Но Иван Борисович не мог сочинять. Воспитанный строгим жанром древних памятников санскритской письменности, он даже не представлял, как это можно: рассказывать что-то такое, чего нет в *пуранах*, что не освящено традицией, и, следовательно, беззастенчиво лгать. Хороший санскритолог должен только переводить или в крайнем случае составлять глоссы.

Вспомнив прочитанный недавно доклад, Ауслендер испытал чувство фрустрации, какое любой мужчина обыкновенно испытывает после занятий любовью с самим собой. Нет, подумал он, не стоило, право же, не стоило: это чистая беллетристика.

Мы не станем скрывать от читателя, что целью настоящего произведения является не рассказывание истории жизни Ивана, а исследование эволюции его теоретических представлений, так сказать, становления учения Ауслендера. Поэтому мы должны заметить, что вскоре на сайте, который редактировал Дмитрий Балканский, появилась статья, словно бы полемизирующая с докладом в «Синей лампе». Статья касается «русского вопроса» и подписана провокационным псевдонимом, но мы имеем основания предполагать, что автором текста был не кто иной, как сам Иван Ауслендер. Таким образом, Иван словно бы вступает в диспут с самим собой и одновременно с Асланяном, отчасти соглашаясь с ним, но показывая иной аспект проблематики. Впрочем, судите сами. Вот полный текст материала.

Доклад II

Русские и коллективизм (о заблуждении народников и славянофилов)

Зря думают, что русский человек по своей внутренней природе чересчур общественный, альтруистичный, несребролюбивый и что поэтому его нужно учить здоровому эгоизму и прививать личные амбиции – для пользы экономики, государства и в конечном итоге самого русского человека. Заблуждение это было в позитивном ключе сформировано русскими социалистами и славянофилами, а вслед затем перетолковано в негативном ключе русскими либералами и западниками, но от перемены знака с плюса на минус это представление не перестало быть иллюзией. Простой непредвзятый взгляд на историю и современность России показывает, что проблема русского человека, напротив, в том, что он неразумно эгоистичен, узко эгоцентричен, корыстен и поражён крайней степенью индивидуализма. От того русский человек не способен к коллективному действию, которое одно может служить основанием народной политики и методом контроля над собственным государством. В этой неспособности к коллективному действию, а не в пресловутой *соборности* и тем паче не в религиозности русских кроется причина всегдашнего русского монархизма. Вовсе не сакрален для русского человека монарх. Русский человек во все времена будет петь о монархе похабные частушки и рассказывать скабрёзные анекдоты, нимало не смущаясь святотатством своего скоморошества, а если и перестанет делать это, то лишь из-за страха, а не от благоговения. Нет у русского человека любви к своему царю, нет даже почтения. Но монарх приятен русскому человеку тем, что освобождает его от груза ответственности за состояние собственной страны. В этом смысле любому единоличному правителю России всегда полезно показать русскому человеку, что он, правитель, не русским человеком возведён на престол и что от русского человека совершенно не зависит, кто будет его правителем и как им будут управлять. Едва поняв, что так оно и есть, русский человек успокаивается, облегчает душу и предоставляет власти полную свободу действий, удалившись от любой возможной политики, которая есть действие общественное, коллективное, в свою частную, атомарную, партикулярную жизнь, которая одна только и представляет настоящую ценность для русского человека.

Русский человек не желает участия в коллективном действии, будь то честные выборы собственного президента или расчистка парковочных мест перед многоквартирным домом от снега. В последнем случае русский человек, вместо того чтобы собраться с соседями в коллектив и расчистить весь двор, предпочитает единолично взять лопату и расчистить место для одного только собственного автомобиля, а для соседа воткнуть в сугроб предупредительную табличку: место моё, если кто займёт – проколю колёса и зеркала разобью.

Русский человек не желает участвовать в коллективном действии, так как опасается, что другой русский человек его обмишурит: затратит сил меньше и оттяпает больший кусок. Поэтому русский человек предпочитает решать свои задачи самостоятельно. Единственную выгоду в коллективном действии русский человек видит только в том и тогда, если и когда оно позволяет ему самому всех обмишурить. Поэтому если русский человек и идёт якобы в политику, то лишь для того, чтобы за общественный счёт решить свои партикулярные вопросы. А также если оно, коллективное действие, допускает уйти от ответственности за злодеяние, которое, будучи совершено в индивидуальном порядке, повлекло бы суровые санкции. Потому только у русских есть это самое странное обоснование пользы и выгоды от коллективного действия в не имеющей аналогов народной поговорке «Гуртом и батьку бить веселее». И самым популярным видом коллективного действия для русского человека были и остаются *погромы*. Увы, погромы – это и есть самое очевидное проявление таинственного «русского духа» и обнажение загадочной «русской души». И каждый «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», от пугачёвщины до большевистского переворота, всегда оказывается никакой не революцией, а именно что бунтом, то есть погромом; потешив беса волюшкой и удалью молодецкой, проще говоря, насладившись безнаказанным мародёрством, русский человек испытывает не то чтобы раскаяние, но страх – оттого что зарвался и что теперь придётся самому за всё отвечать. Тогда

русский человек снова покорно встаёт под руку царя, выдавая ему на расправу «зачинщиков». Или лепит себе нового царя из того же большевика.

Фетиш либеральных историков – столыпинская реформа – забуксовала не по причине сказочной соборности русского человека, а из-за его боязни личной ответственности и тягот, которые ложились на него в случае выделения на хутор. В миру спокойнее, можно попытаться обмишурить соседа и выйти самому с меньшим убытком. Пусть сосед, то есть другой русский человек, заплатит налоги и за меня тоже. Коллективистом русский человек моментально становится, только когда нужно платить налоги, нести тяготы и обременять себя ответственностью. В остальное время русский человек – завзятый единоличник.

Правильной коррекцией национальной психологии (если такая коррекция вообще возможна) было бы не стимулирование личных амбиций и частного интереса в русском человеке (никакого другого интереса, кроме своего частного, русский человек и так не понимает), а пропаганда коллективизма, солидарности и всех видов кооперации. Успехи коммунистического режима в СССР были неизбежны именно потому, что коммунисты осуществляли правильную коррекцию русского менталитета, заставляя русского человека заботиться о коллективном интересе, что высвободило колоссальную энергию русской нации для грандиозных свершений. Крах коммунистического режима был вызван ослаблением коррекционных усилий, легализацией частного интереса, что в случае русского человека влечёт не формирование «рынка», «конкуренции», «гражданского общества» и прочего, а просто и сразу развал и полную катастрофу, то есть, говоря по-русски, песец всему. Видимо, русский человек органически не способен сам налаживать горизонтальные связи среди самого себя, то есть формировать цивилизованное коллективное действие. И только нанизанный на властную вертикаль как пескарь на кукан, способен русский человек сохранять подобие общества и государства.

Иной выход, повторимся, – в правильной коррекции национальной психологии, в развитии начал коллективизма и кооперации. Для чего прежде всего надо признать все концепции о пресловутой русской соборности опасным заблуждением и решительно отринуть русофильские иллюзии, обратившись лицом к неумолимой реальности патологической дезинтеграции русского социума и печальной справедливости диагноза полной атрофии социального и коллективного инстинкта у наличного, не мифического русского человека.

И. Лифшиц. По материалам доклада для Центра политических исследований, Тель-Авив

Лист IX

Шествие (ясное знамение)

Сбор был назначен у концертного зала «Октябрьский». Ауслендер поднялся в город на станции метро «Площадь Восстания» и пошёл по Лиговскому проспекту. Впереди, за ним и обгоняя его, по тротуару шли группы людей – в ту сторону явно больше, чем обратно. «Неужели все они идут на митинг?» – радостно подумал Иван Борисович.

Было морозно, минус двадцать пять – двадцать семь. Иван Борисович подготовился: он надел под брюки тёплые гамашы, на рубашку – тёплый, из чистой шерсти, разрисованный оленьими свитер, сверху – старую дублёнку, на голову – шапку-ушанку, которая была на два размера меньше его круглой головы, но натянул, на руки – шерстяные перчатки. Теперь было уютно, а вокруг лица клубилось облачко пара.

Площадь была заполнена, и масса уже вытягивалась по улице Жуковского в сторону Литейного проспекта. Снова реяли знамёна, поднимались транспаранты, опять раздавали белые ленты и целые гроздья белых шаров. На этот раз, правда, раздавали и красные шары, на которых было написано: «КПРФ», – коммунисты постарались. Красные шары разбирали не так охотно, как белые. На белых шарах было написано: «Надуешь меня ещё раз – лопну!» Иван Борисович взял красный шар и встал в строящуюся колонну поближе к коммунистам. Всё-таки я человек левых убеждений, подумал он.

Долго ждали, замерзая. Впереди милиция не давала хода, так как согласованное время для шествия было чуть позже и дороги ещё не были перекрыты. «Это наш город! – скандировали колонны. – До-ро-гу!» И вот плотину открыли и шествие устремилось вперёд, как воды после убийства *Индрой* демона *Вритрасуры*, запиравшего поток. Ауслендер шёл в колонне и скандировал вместе со всеми всё, что зачинал ближайший парень с хрипящим от мороза мегафоном. На улицу Жуковского словно вылился немыслимый карнавал из Рио – в минус двадцать семь! Прохожие на тротуарах останавливались и провожали шествие, махая руками. Все улыбались. Все снимали на телефоны. Во всех домах открывались окна, зрители вывешивали туловища в мороз, тоже снимали, махали руками, кричали приветствия. Так дошагали до места, где улица Жуковского вливается в Литейный проспект. Шествие повернуло направо и растеклось: даже для такой массы Литейный оказался очень широким. Но отрезок пути по проспекту был короток. Скоро повернули налево и узкой улочкой, а потом через мост направились к цирку, а дальше – тропинками набережных, петляя. И шествие растянулось длинной лентой, многоцветной змеей.

Иван Борисович на изломе дороги посмотрел вперёд и назад: они были словно китайский дракон. Вритра был драконом, тем самым, которого убил Индра. «Вритра мы или Индра?» – думал Иван. И на минуту это его озадачило, пока он не почувствовал: это не важно. Вритра не только враг – он жертва, без принесения которой даже Индра, бог и герой, не смог бы восстановить порядок во вселенной. В космогоническом акте освобождения вод, весны, тепла и света бог и дракон, герой и жертва одинаково необходимы.

И всё же так хотелось быть на стороне света! Иван загадал: если в небе появится солнце, значит, они вместе. И когда колонна подошла к месту митинга, в небе засияло зимнее светило, белым огнём заиграло на куполе храма Спаса-на-Крови, так, что невозможно было смотреть – ослепляло. Иван обрадовался и успокоился.

Взойдя на сцену и заняв в свою очередь место у микрофона, Ауслендер снова захотел увидеть солнце. Он поднял голову. Но солнце присело за громаду храма, и площадь была в тени. Всё же Иван Борисович верил и был возбуждён. Он закричал:

– Они украли наши голоса! Они спрятали солнце! С ними злые волшебники, с ними банда чиновников и воров. А с нами правда! С нами Бог! Так победим!

В толпе кто-то поддержал лозунг. Напряжение было высоким. Иван снизил тон от пафоса до сарказма.

– Наш премьер сказал, что белые ленточки и шары похожи на презервативы. Но посмотрите сами! Кто-нибудь, отпустите шары! Отпустите шарики в небо!

Несколько десятков человек откликнулись на призыв, и ввысь устремились надутые гелием белые капли, за которыми вились тонкие ленты.

Ауслендер снова закричал – хриплым, сорванным голосом:

– Смотрите, смотрите в небо! Разве они похожи на гондоны? Нет! Это сперматозоиды! Власть! Это вы гондоны! А мы – сперматозоиды новой жизни! Ура!

Митинг смеялся и рукоплескал. Ивана Борисовича трясло от возбуждения.

Сразу после выступления, не дожидаясь окончания мероприятия, он отправился в ближайшее кафе, где выпил грамм двести дерущего глотку дешёвого коньяку и выкурил несколько горьких удушающих сигарет.

Сон II

Второй сон Ауслендера

Он точно знал, что это была Луна. Он помнил, что летел на Луну: в иллюминаторе видел удаляющуюся карту Советского Союза с огнями городов (причём имена городов были подписаны рядом большими буквами). Когда его модуль прилунился, распахнулся люк и Ауслендер вышел. Луна оказалась похожей на Туркестан осенью. (Почему Туркестан? Иван не знал; он никогда не бывал в Туркестане раньше, так же как и на Луне.) Было тепло и немного пыльно. Растения пожухли. Воздух был сухой, и дышалось легко. Атмосфера, удивился Иван, откуда на Луне атмосфера? Ведь на Луне нет воздуха: даже если завезти достаточно газов (кислорода, водорода, азота), атмосфера не сможет удержаться – слишком слабое притяжение. Иван сошёл с лестницы и ступил на лунную поверхность. Шагалось легко, но не было внезапных прыжков или полёта: странная гравитация. Иван отправился прямо по оказавшейся под ногами просёлочной дороге. Дорога завернула направо под прямым углом, Иван повернул вместе с дорогой. Вдали привиделся город: невзрачный, провинциальный, скорее не город даже, а так, посёлок городского типа. Иван шёл и шёл, а город не удалялся и не приближался, а оставался там же, где и был, – в некотором отдалении. Тогда Иван зажмурился, а когда открыл глаза, то очутился сразу на центральной площади.

Он стоял на деревянном помосте; перед ним был деревянный чурбан, а справа – человек в красном колпаке с прорезями для глаз опирался на огромный топор. Вокруг теснилась публика, реяли флаги. Люди были радостные, хлопали в ладоши и улыбались. И ещё один факт: они были... Иван сначала подумал, что ему так кажется с возвышающегося над толпой помоста, но нет, они были действительно маленького роста. Конечно, понял Иван, это же коротышки из Лунного города. А я Незнайка. Но тут кто-то сзади похлопал его по плечу. Иван обернулся и увидел Дмитрия Балканского.

– Поздравляю, – сказал Балканский. – Вас избрали президентом.

Иван снова зажмурился, а когда открыл глаза, они сидели в лунном пабе, похожем на ирландские пабы там, внизу, на Земле, за массивным дубовым столом на цельнодеревянных стульях. Вокруг сновали маленькие святые патрики зелёного цвета. Они разносили лунный эль. Балканский пил из огромной кружки и успокаивал Ивана:

– Не волнуйтесь. Ничего страшного! Мы каждое утро выбираем себе нового президента. Весь день в его честь пекут большой торт. А вечером мы устраиваем пир и съедаем его.

– Президента???

– Торт. При чём тут президент?.. А-а, в этом смысле... Нет, президент просто пирует вместе со всеми. Как первый среди равных. На следующее утро выберут другого президента.

Городок у нас небольшой, гости бывают редко, поэтому каждый уже по многу раз был президентом. Мы все избираемся, по очереди.

– Уф-ф... – Ивану легчало.

– Да, а сегодня такая удача – новенький! В смысле, вы. А то приелись одни и те же лица. Приелись, мда. Знаете, мы считаем, что очень важно, чтобы была настоящая сменяемость власти.

– Конечно.

– И новые лица!

– Да.

– И главное, знаете, у нас тут всё честно. Честные выборы. Честнее не бывает. Открытые и прозрачные. Кандидатами в президенты регистрируют сразу всех жителей. Потом каждый ведёт предвыборную агитацию, и никто никому не мешает. А голосование тайное. Но все и так знают, кто будет избран, потому что списки очередности избрания в президенты составляются на год вперёд, а в списке все фамилии – в алфавитном порядке. Но когда появляется новичок, то мы его сразу единогласно избираем, а список смещаем на один день. Нескромно хвалить себя, но мне кажется, у нас идеальная демократическая система.

– Похоже, что так. Но ведь это очень затратно! Избирательные комиссии, предвыборные кампании, каждый день – новый кабинет министров и всё такое... Это же нарушает обычный ход жизни, мешает работать, отвлекает. Большие проблемы для экономики! Как вы всё успеваете?

Балканский пожал плечами, одетыми в синий кафтан.

– Да ну. А чем тут ещё заниматься? Пойдём, я тебе всё покажу.

На этот раз зажмуриваться не пришлось. Иван встал и вслед за Балканским обычным образом вышел на улицу через вертящуюся дверь. Они пошли по улицам Лунного городка. Город не выглядел перенаселённым. Не было пробок, редкие автомобили медленно ехали по дорогам, на которых не было знаков и светофоров. Когда пешеходу нужно было перейти на другую сторону, он просто вступал на проезжую часть, и если рядом был автомобиль, то водитель останавливался. Но пустынными улицы назвать тоже было нельзя. Кто-то даже работал. Иван заметил человека в робе, который строил дом. Он без усилия поднимал огромные бетонные блоки и складывал один на другой. Балканский прокомментировал:

– Видишь, всё легко. Гравитация слабая, поэтому не нужно ни кранов, ни прочей строительной техники. И сила трения минимальная, сопротивление среды близко к нулю. Автомобили передвигаются без топлива – достаточно просто подумать. Ну, иногда оттолкнуться ногой, как на самокате. Ведь атмосферы нет.

«Чем же мы тогда дышим?» – испугался Иван, но вслух ничего не сказал, боясь, что, как только реальность откроется, он задохнётся. Встречались пешеходы, которые фланировали в обе стороны, никуда не спеша. Но большинство жителей занимались политикой. Некоторые стояли в одиночных пикетах с плакатами. Другие собирались на митинги. Митинги проходили на каждой площади и площадке. А порой по улице шествовала колонна. Лозунги были всегда очень разумными: «Долой гравитацию!», «Свободу радикалам!», «Пива нет!». У всех на шеях были повязаны белые ленты, а у некоторых – красные. Иван не удержался и спросил:

– Но если у вас такая совершенная демократия, почему они все митингуют?

Балканский ответил очень серьёзным тоном:

– Без митингов никак нельзя. Обязательно должны быть митинги и протесты, вплоть до актов самосожжения (понарошку, конечно). Иначе какая это демократия? Иначе это будет не свобода, а диктатура, полный тоталитаризм!

Иван подумал: значит, демократия – это когда всё точно так же, как при диктатуре, но можно выходить на митинги, критиковать правительство и протестовать по любому поводу. А

диктатура – это когда всё точно так же, как при демократии, но протестовать нельзя. Однако он теперь президент. Иван заволиновался:

– А что я должен делать? Как исполнять свои полномочия? Я же обязан управлять!

– Управлять совершенно не обязательно. Всё само собой управляется.

– В чём же моя роль?

– Ну... выступишь с докладом. А лучше опубликуй программную статью. Что ты в ней напишешь – совершенно не важно: ведь когда выйдут газеты с твоей программой реформ, в городе будет уже новый президент.

Ивану это понравилось. У него словно гора свалилась с плеч. И вообще с каждой минутой, проведённой в Лунном городе, ему становилось легче. Сила тяжести улетучивалась. Он вспомнил прошлое и опечалился:

– А у нас там, в России, – тяжело. Такая сильная гравитация...

Иван поглядел прямо перед собой. Вечерело. На небосводе над кромкой Луны вставала огромная синяя Земля. «Как быстро закончился день!» – подумал Иван. Ах да, это же лунный день. Он наверняка короче земного. Надо просто привыкнуть.

Балканский куда-то исчез. Иван шёл и шёл, навстречу попадались люди со странно знакомыми лицами. Иван мог побожиться, что в некоторых он опознал довольно известных на Земле оппозиционных политиков, правозащитников и журналистов. Они улыбались и кивали ему, говорили: здравствуйте, президент!

Вдруг Ивану стало жутко. Он бросился вон из городка. Его пытались остановить, хватали за руки, кричали вослед: разве вы не посетите наш митинг? приходите на шествие! сегодня собрание оргкомитета! Но Иван вырывался и бежал, бежал, пока не попал на ту самую просёлочную дорогу. На этот раз дорога оказалась прямой, и скоро Иван был в том самом месте, где прилунился его межпланетный корабль. Но место изменилось. Теперь место прилунения было похоже на свалку металлолома. Иван быстро нашёл свой модуль. Это был, без сомнения, он. Но теперь он выглядел неважно.

Старый ржавый цилиндр, похожий на сданную в утиль цистерну водонапорной башни. На месте иллюминаторов зияли дыры, не было даже осколков стекла. От блока управления остались только обломки с торчащими проводами. Казалось, что модуль прилунился в прошлом тысячелетии, а не утром, несколько земных часов назад. Земных... А как идёт время на Луне?

Значит, он останется здесь навсегда.

Иван схватился за горло и нащупал на шее ленту.

И понял.

Это не Лунный город, а он не Незнайка.

Это *Rock-n-Roll Town* из Стивена Кинга, а мы все мертвы! Только здесь не про рок-н-ролл, а про политику и демократию. Мы все умерли! Нас принесли в жертву! Поэтому мы здесь! Те, у кого на шее белая лента, – их повесили или задушили, а те, кому отрубили голову, – они носят красную ленту!

Что за шум? Колокольчики? Это они идут за мной. Они заберут меня на митинг. Всё громче и громче – шествие приближается. И музыка, музыка, одна и та же мелодия десятый раз подряд!..

На Луне внезапно включился яркий космический свет, и с неба упал голос:

– Вставай, работу проспишь.

Лист X

Настоящая слава

Настоящая слава пришла к Ауслендеру только теперь, после выступления на втором митинге. Митинг и выступления снимали на видео все кому не лень. Какой-то народный умелец вырезал кусок с речью Ауслендера, пририсовал фоном силуэты плывущих по небу сперматозоидов и выложил в Сеть. В первый же день ролик собрал десять тысяч просмотров.

Ивану Борисовичу казалось, что предложенная им метафора очевидна: политические активисты подобны сперматозоидам, агентам новой жизни, а старые власти – это презерватив, который мешает зачатию. Но казалось, что совершенно никто не понял его в таком ключе. В комментариях глумились, на все лады обыгрывая один классический анекдот: «Кучка сперматозоидов спешит по проходу. Сперматозоиды переговариваются между собой:

- Если я доберусь до яйцеклетки, я стану поручиком!
- Если я доберусь до яйцеклетки, я стану капитаном!
- Если я доберусь до яйцеклетки, я стану полковником!

Навстречу им попадает вялый и грустный сперматозоид, возвращающийся обратно:

- Господа офицеры! Вынужден вас огорчить: мы в жопе!..»

Сразу набежали кремлёвские боты с язвительными замечаниями: поглядите на этих лидеров оппозиции! Идиоты! И это те, кто хочет взять власть? Не дай Бог!

И так далее.

В университете студенты и студентки стали хихикать и шушукаться за спиной Ауслендера. Преподавателю дали кличку Сперматозоид. Но прозвище не прижилось, так как сутулая и полная фигура медлительного Ивана Борисовича не вызывала в уме ассоциации с бойким разносчиком генетического материала. Прозвище дополнили: Малоподвижный Сперматозоид, Вялый Сперматозоид – и в итоге стали называть Ауслендера просто Вялый.

Но в целом видео сыграло позитивную роль вирусной рекламы, усилив интерес горожан к политической активности, а также подняв личный рейтинг Ауслендера. На занятия Ивана Борисовича стало приходиться вдвое больше студентов. И появились они, те самые студентки в коротких юбках или с откровенными декольте, что норовили занять передние парты и всю лекцию или семинар задумчиво глядели на преподавателя, рассеянно пожёвывая одними губами кончик ручки.

Из средств массовой информации теперь звонили не реже, чем два раза в день (журналисты всегда знают, как отыскать номер телефона нужного им человека). От предложений поучаствовать в ток-шоу в качестве «эксперта» и прочей массовки Иван Борисович отказывался, ссылаясь на занятость (он действительно был занят). Но однажды согласился на участие в теледискуссии, где гостей было всего четверо. Ауслендер яростно опровергал соображения главной оппонентки, представительницы власти, занимавшей какой-то пост в администрации губернатора. Это была шептунья женщина, не лишённая привлекательности. Перед началом съёмки она очень беспокоилась, что оделась в чёрное и белое – монохромные цвета плохо смотрятся на экране, ей это сообщили слишком поздно, – и всё пыталась повязать себе на шею зелёный шарфик. «Да, сплеховали вы! – добил её Ауслендер. – Вот я, например, специально надел оранжевую рубашку и синий костюм».

После съёмки Ивану Борисовичу стало стыдно за свою неучтивость, и он сказал даме, что лично против неё он ничего не имеет, она очень красивая и умная женщина, просто работа у неё такая, он же понимает. Дама воспрянула духом и стала рыться в сумочке, пытаясь найти визитку и всучить её Ауслендеру, приглашала на какие-то общественные слушания, в конце концов предложила подвезти. «Спасибо. За мной жена обещала приехать», – Иван Борисович

сделал ударение на слове «жена». Хотя Виктория ничего не обещала. Она даже не знала, что Ауслендер сегодня снимается для телепрограммы.

В другой раз Иван Борисович согласился дать интервью одной солидной газете. Встретились в кофейне. Девушка-журналист выложила на стол диктофон, включила запись и вдобавок вооружилась блокнотом и ручкой.

– Почему вы, учёный, преподаватель, человек, казалось бы, далёкий от политики, решили принимать активное участие в протестном движении?

– Вы правы, это необычно и неожиданно даже для меня самого. Умберто Эко говорил, что интеллектуал должен быть как обезьяна на дереве: наблюдать политические и социальные конфликты, комментировать, анализировать, но оставаться независимым и беспристрастным. В нормальной ситуации это правильно. В нормальной ситуации, когда есть политическая жизнь, открытая дискуссия и столкновение мнений, позиций, платформ. Но бывает время, когда ты точно должен определиться, с кем ты, на чьей стороне. Если борьба идёт между правдой и ложью, то ты не можешь принять что-то третье, ничего третьего не дано: если ты не сражаешься за правду, значит, ты поддерживаешь ложь. Наши так называемые интеллектуалы всеми силами пытаются показать, что они «над схваткой»; на самом же деле они просто трусы, соглашатели, коллаборационисты. Нельзя быть «над схваткой», когда никакой схватки и нет, а есть избиение младенцев. Никакой политической жизни у нас на самом деле нет. Все сидят на деревьях, а под деревьями – никого. Настало время, когда обезьяна должна спуститься с дерева, чтобы не потерять свой шанс стать человеком.

– Протестное движение разнородно: в нём и левые, и правые, и демократы, и националисты. Не боитесь ли вы, что движение расколется изнутри?

– Да, мы очень разные. И глупо думать, что мы когда-нибудь будем приведены к общему знаменателю. Анархисты никогда не договорятся со сторонниками монархии, а либералы не выработают единую платформу с коммунистами. Но этого и не нужно. В обществе должны быть разные взгляды, а между защитниками различных платформ может и должна быть дискуссия. Это и есть нормальная политическая жизнь. Мы вместе выступаем за самую возможность политической жизни, за свободное пространство политической борьбы. А власть должна формироваться как некоторое равновесие, баланс, гармонизация различных, порой противоположных интересов и идей.

– Вы думаете, что такое реально возможно?

– Почему нет? На выборах в Государственную Думу избиратель ясно выразил свою волю. Российский народ хотел, чтобы в парламенте были представлены несколько партий, и партиям левой направленности отдал предпочтение. Но партия власти прибегла к чудовищным махинациям, чтобы сохранить абсолютное большинство мест в Думе за собой. Это было совершенно не обязательно, можно было работать и действующему правительству с оппозицией в парламенте, весьма мирной и законопослушной оппозицией. Но они плюнули нам в лицо. И получили в качестве ответной реакции восстание сознательной части граждан; протест ширится и растёт. Всё ещё только начинается!

Девушка отключила диктофон.

– Всё ещё только начинается! Хорошее название для материала. Если позволите.

– Да, пожалуйста.

– Спасибо. И ещё... я слушала ваше выступление на митинге. Вы очень хорошо сказали, ну, про сперматозоиды.

– Спасибо вам. Похоже, я использовал слишком смелый образ. Неудачно. И не к месту.

– Что вы! Очень к месту и очень удачно. И вы сами, мне кажется, очень перспективный... как политический деятель. И вообще как мужчина, вы привлекательны, правда.

– Извините, я на минутку.

Ауслендер ушёл в туалет. Он волновался. А что, подумал Иван Борисович, почему бы не предложить девушке продолжить вечер в пабе, неофициально, так сказать. Ведь я ей нравлюсь. Это видно! Так почему бы и нет? Конечно, Виктория... но ведь я ничего такого. Просто посидеть, поговорить. Это не преступление!

Иван Борисович сходил по-малому, приблизился к раковине и стал тщательно мыть руки. Поднял голову и в зеркале увидел себя. Ему сразу стало стыдно.

Он вышел из туалета, вернулся к столику, положил деньги за два кофе, попрощался с молоденькой журналисткой и, подхватив портфель, поспешно удалился.

Сон III

Гоб Александрия

В детстве бывают такие сны, в которые можно вернуться. Тебя будят на самом интересном месте, но ты не хочешь просыпаться, ты снова закрываешь глаза и оказываешься в прерванном сне. Этот сон повторяется много ночей подряд, потом словно бы забывается, но вот, через год или два, снится снова. И когда он перестаёт тебе сниться, полностью, окончательно исчезает из ночной кинопрограммы, только ветер ума треплет на пыльных улицах памяти обрывки афиши, – тогда ты понимаешь, что детство закончилось и ты повзрослел навсегда.

Маленькому Ванечке Ауслендеру снился город. Это был город у моря: Ванечка во сне не всегда видел море, часто он шёл по улице от набережной, море шумело у него за спиной, набегали волны и плескались о камни, но он знал: есть море, и оно бирюзового цвета. А город был светлый, солнечный. В городе рядами стояли многоэтажные дома, одинаково нежные, цвета топлёных сливок. Улицы были прямыми и чистыми. Дома были высокими, но проспекты были достаточно широки, и стоило чуть приподнять голову, как глаза заливало яркое синее небо, небо со всех сторон, и солнце светило, лилось, пело, звучало непостижимым оркестром, исполняющим симфонию лета. И были, кажется, пальмы и фикусы, и мороженое на каждом углу, и белые смешные автомобили, а люди смуглые и улыбались. Иногда же не было совсем никого, и Ванечка шёл по пустому городу, но было совсем не страшно, а так, словно все просто дремлют за стеклом витрин и зеленью палисадников, потому что сиеста. А Ванечка шёл, и у него было дело: где-то невдалеке ждала Ванечку черноволосая девочка, тонкая, с большими ресницами, немного похожая лицом на овцу, но при этом безумно красивая.

Ванечка видел город во сне сто раз, и сто раз шёл по его улицам на свидание с девочкой-овцой. Но ни разу так её и не встретил. И всё же это был самый приятный сон. И самые счастливые минуты его жизни: когда он, маленький мальчик, Ванечка Ауслендер, спал и видел сон про солнечный город на берегу бирюзового моря; город, где его ждала самая тихая и светлая радость, самая чистая и ясная любовь, самая красивая девочка на свете – девочка, похожая лицом на овцу.

Повзрослев, Ауслендер не сразу забыл город из детского сна. Про себя он называл его «город солнца». И безотчётно искал аналогий в земных городах, тех, что под ярким солнцем, на юге, и стоящих у береговой линии. Ещё ребёнком он побывал в Сочи. Но Сочи был слишком уютным, милым, он выглядел как кафешантан и звучал как шансон, а не как симфония. В Новороссийске дома были выше, но скрипели портовые краны. И небо было не небо, а какая-то мазня неумелого рисовальщика: тут белого, тут серого, тут синего ляпнул, а ещё жёлтого и красного; но всё вместе совсем не красиво. И так далее, чем далее – тем далее от образа.

Девушки, похожей на овцу, Иван и в жизни не нашёл, не встретил. Виктория была похожа скорее на белочку. Ауслендер любил свою жену. А детские сны – детские сны постепенно стирались в памяти.

Осенью (месяца за три до начала своей политической карьеры) Иван Борисович неожиданно получил приглашение принять участие в научной конференции. Темой была восточная филология. Местом проведения конференции – всемирно известная Александрийская библио-

тека в Египте. Для более успешных коллег Ауслендера участие в симпозиумах, конференциях, семинарах и прочая за границей было делом привычным (Рюрик Асланян получал приглашения пачками). Но Ивану Борисовичу никогда раньше ничего такого не доставалось. Видимо, где-то там, наверху, его пожалели и решили тоже пристроить к делу науки. Или просто разнообразить состав делегации.

Древней Александрийской библиотеки давно не существовало. Как и другого чуда света, Александрийского маяка. В городе Александрии совсем недавно, в начале XXI века, по оригинальному проекту построили новое ультрасовременное здание. Суть замысла была в том, что библиотека почти не нуждалась в искусственном освещении: солнце Александрии светило через прозрачные стены и крыши пирамидального сооружения. Ауслендер как-то смотрел телепередачу об этом грандиозном проекте. А теперь сам оказался здесь и принимал участие в международном сборище специалистов по восточным языкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.